

Opp. 665 ~~4~~
(3)

СОЧИНЕНІЯ ДМИТРІЕВА.

ЧАСТЬ III.

Bo 29
2-53

МОСКВА

1818.

420

ИЗДАТЕЛЬ
А. В. КОЖЕВНИКОВ

Opp. 665 $\frac{7}{3}$

H

СОЧИНЕНІЯ

И. И. ДМИТРИЕВА.

Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéris.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Изданіе пятое,
исправленное и умноженное.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1818.

78/72/158

Печаташь позволяешся съ шѣмъ, чшобы по ошпечапани, до выпуска въ продажу, предспавлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департаментна Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Апрѣля 30го дня 1817 года. Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Ценсоръ Михаилъ Снѣгиревъ.

Bayrische
Staatsbibliothek
München

Б А С Н И.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Б а с н ь . I.

Дубъ съ Тростію вступи́лъ однажды въ разгово́ры:
Жалѣю, Дубъ сказа́лъ, сконча́ къ ней важны́ взоры,
Жалѣю, Тросточка, объ участи́ пвоей!
Я чаю, для тебя́ тяжель и воробей;
Легчайші́й въ шеро́къ, едва́ спруя́щій воду,
Ужасе́нь для тебя́, какъ бу́ря въ непого́ду;
И гнеть́ тебя́ къ земли,
Тогда́, какъ я — высо́къ, осани́стѣ и вдали,
Ча́сть III. 1

Не только Фебовы лучи пересѣкаю ,
 Но даже бурный вихрь и громы презираю ;
 Стою, и слышу вокругъ спокойно прескѣ и спонѣ;
 Все для меня Зефирѣ, шебѣжь все Аквилонѣ.
 Блаженнабѣ ты была, когдабѣ росла со мною :

Подѣ тѣнию моей густою
 Тыбѣ не спрашилась бурь! но рокѣ шебѣ судилѣ

Распи, намѣсто злачна дола,
 На топкихѣ берегахѣ владычествѣ Эола.
 По чеспи, и вѣ меня швой жребій грусть вселилѣ.
 ,Ты очень жалоспливѣ, Тросѣ Дубу ошвѣчала:
 Но, право, о себѣ еще я не вздыхала,

Да не о чемѣ и воздыхашѣ;
 Миѣ вѣпры менѣе, чѣмѣ для тебя, опасны.

Хопя порывы ихѣ ужасны
 И не могли тебя досель поколебашѣ,
 Но подождемѣ конца.“ Сѣ симѣ словомѣ вдругѣ
 завыла

Отѣ сѣвера гроза, и небо помрачила;
 Ударилѣ грозный вѣтрѣ — все рушилѣ и валилѣ,
 Лешилѣ, кружилѣся лислѣ, Тросѣ гнешѣся —
 Дубѣ стоилѣ.

Вѣтрѣ, пуще оружасѣ, изѣ всей ударилѣ мочи —
 И шотѣ, на коего сѣ шрудомѣ взирали очи,
 Кто ада и небесѣ едва не досягалѣ —
 Упалѣ!

ПЪТУХЪ, КОТЪ и МЫШЕНОКЪ.

Б а с н ь II.

О дѣпи, дѣпи! какъ опасны ваши лѣта! —
 Мышеноекъ, невидавшій свѣта,
 Попалъ-было въ бѣду, и вопль какъ онъ объ ней
 Рассказывалъ въ семьѣ своей:
 „Оспавя нашу нору
 И перебравшись чрезъ гору,
 Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
 Какъ молодой мышенокъ,
 Который хочешь показать;
 Что онъ ужь не ребенокъ.
 Вдругъ съ размаху на двухъ живошныхъ набѣжалъ:
 Какіе звѣри, самъ не зналъ;
 Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
 Такъ миловиденъ былъ собою!
 Другой—нахалъ, крикунъ; шеперь лишь будто съ
 бою;
 Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
 Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ
 Какой-то огненного цвѣта,
 И будто двѣ руки, служащи для полета;
 Онъ ими такъ махалъ,
 И такъ ужасно горло дралъ,

Что я, таки не прусь, а подавай Богъ ноги —
Скорѣе отъ него съ дороги.

Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
Нашелъ наставника и друга!

Въ глазахъ его была написана услуга;
Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
Смиранны, крошкіе, но полные огня!
Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
Что у него должна быть симпатія съ нами,
Высокородными мышами.“

А я тебѣ на то скажу —

Мышенка мать остановила —

Что этакъ доброхотъ,
Котораго тебя наружность такъ прельстила,
Смиранныкъ этакъ — Котъ!
Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой
губитель;
Другойже былъ Пѣтухъ, невинныхъ куръ любитель:
Не только отъ него не видимъ мы вреда,
Иль огорченья,
Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья!

МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТЪ СВѢТА.

Б а с н ь III.

Восточны жилили, въ преданіяхъ своихъ,
Разсказываютъ намъ, что нѣкогда у нихъ
Благочестива мышь, наскуча суешою,

Слѣпаго щастія игрою,

Оставила сей шумный міръ,

И скрылась отъ него въ глубокую пещеру:

Въ Голландской сырѣ.

Тамъ, святошью одной свою питая вѣру,

Къ Спасенію души прудиться начала:

Ногами

И зубами

Голландской сырѣ скребла, скребла,

И выскребла досужнымъ часомъ

Изрядну келейку съ достапочнымъ запасомъ.

Чего же болѣе? Въ такихъ-то Мышь трудахъ

Развѣлась шакъ, что страхъ!

Короче: на порогъ рая!

Самъ Богъ блюдетъ того,

Работать міру кто опрется для Него.

Однажды предъ нее явилось, воздыжая,

Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ ;
Оно идесть просить защиты отъ дворовъ

Прошиву кошечья народа ,
Который вдругъ на ихъ республику напалъ
И *Крысолоисъ* ихъ въ осадъ ужь держалъ.

„Всеобща бѣдность и невзгода —
Посольство говоришь — причиною , что мы
Несемъ пустыхъ лишь сумы ;
Что было съ нами , все пробли ,
А путь еще далекъ ! и для того посмѣли
Зайти къ тебѣ , и бить челомъ ,
Снабдить насъ въ крайности посильнымъ пода-
яньемъ. “

Запворница на то, съ душевнымъ состраданьемъ,
И лапки положила на грудь свою крестомъ ,
„Возлюбленны мои ! смиренно отвѣчала :
Я отъ житейскаго давно уже отспала ;
Чѣмъ , грѣшная , могу помочь ?
Да низпошлетъ вамъ Богъ ! а я и день и ночь
Молю Его за васъ готова. “ —
Поклонъ имъ, заперлась , и болѣе ни слова.

*

Кто, спрашиваю васъ, похожъ на эту мышь?
Монахъ ? — Избави Богъ и думашь ! — Нѣтъ ,
Дервишъ.

ЧИЖИКЪ и ЗЯБЛИЦА.

Б а с н ь IV.

Чижѣ свилѣ себѣ гнѣздо, и сидя въ немѣ жоешѣ:

„Ахѣ! скоро ль солнышко взойдетѣ,

И съ доминоѣ меня заспанетѣ,

Ахѣ! скоро ли оно проглянетѣ?

Но вотѣ ужѣ и вошло! какѣ шихо и красно!

Какая въ воздухѣ, въ дыханѣ, въ жизни сладостѣ:

Ахѣ! я такого дня не видывалѣ давно.“

Но безѣ товарища и радостѣ намѣ не въ радостѣ:

Желаешѣ для себя, а ищешѣ раздѣлитѣ!

Любезна Зяблица! кричишѣ мой Чижѣ сосѣдкѣ,

Смиренно прикорнувшѣй къ вѣткѣ:

Чѣ ты задумаласѣ? давай-ка день хвалишѣ!

Смотри, какѣ солнышко...“ — Но солнце вдругѣ
сокрылось,

И небо тучами опѣсѣюду обложилось;

Всѣ пѣицы спрятались, кто въ гнѣзды, кто
въ рѣку,

Лишь галки спаями гуляютѣ по песку,

И крикомѣ бурю вызываюшѣ;

Да ласпочки еще надѣ озеромѣ летаюшѣ;

Быкъ , шею выпянувъ , подъ плугомъ заревѣлъ ;
 А конь , поднявши хвостъ и разбѣжавши гриву,
 Ржетъ , пышетъ и лепитъ чрезъ ниву.

И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ возшумѣлъ!
 Со прескомъ грянулъ громъ , ударилъ дождь со
 градомъ ,

И пали паспухи со спадомъ.

Потомъ прошла гроза и солнце разцвѣло ,

Все стало ярче и свѣплѣе ,

Цвѣты душистѣе , деревья зеленѣе —

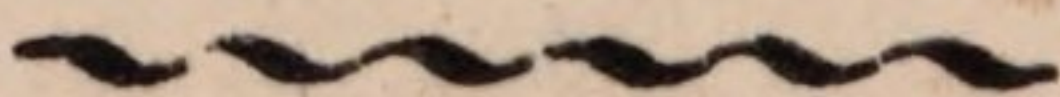
Лишь домикъ у Чижа куда - то занесло.

О бѣдненькой мой Чижъ! онъ, мокрыми крылами
 Насилу шевеля , къ сосѣдушкѣ лепитъ ,

И ей со вздохомъ и слезами,

Носокъ повѣся , говоритъ :

„Ахъ ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ :
 Впредь утро похваляю , какъ вечеръ ужь наступитъ.“

М Ъ С Я Ц Ъ.

Б а с н ь ъ.

Нашала ночь, и скрылся образъ Феба.

„Утѣшесь! Мѣсяцъ говоритъ:

Мой лучъ не менѣе горитъ.

Смотрите: я взошелъ, и свѣтъ лю къ вамъ съ
неба!“

*

Пусть переводчики дадутъ ему отвѣтъ:

Какъ мѣсяцъ ни свѣши, но все не солнца свѣтъ.

ЛИСА - ПРОПОВѢДНИЦА.

Б а с н ь VI.

Разбишая параличомъ
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой,
Всѣмъ тѣломъ дряхлая, но бодрая умомъ,
И въ логикѣ своей изъ первыхъ масперица,
Лисица
Уединилася отъ свѣта и отъ зла,
И проповѣдывать въ пустыню перешла;
Тамъ крошкѣя свои бесѣды разшворяла
Хвалою воздержности, смиренью, правотѣ;
То плакала, то воздыхала
О брашнѣ, въ мірской утѣшѣй суешѣ;
А брашнѣ и всего на проповѣдь собиралось
Цяпъ, шестъ на перечотѣ;
А иногда случалось
И менѣ того, и то Сурокъ да Крошъ,
Да двѣ, при набожныхъ Лани,
Звѣришки бѣдные, безъ связей, безъ подпоръ;
Какой же ожидать отъ нихъ Лисицѣ дани?
Но Лисій дальновиденъ взоръ:

Она перемѣнила спруны:

Взяла суровый видъ, и бросила перуны
На кровожаждущихъ Медвѣдей и Волковъ,
На Тигровъ, даже и на Львовъ!

Чпожь? слушателей шьма спеклася,
И слава о ея вишійствѣ донеслася
До самаго царя звѣрей,
Который, не смотря, что въ немъ порода Львина,
Былъ смирный, такъ сказать, дѣ-
шина,
И набожный подѣ спаросить дней.

„Послушаемъ Лису! Левъ молвилъ: что за
диво?“

За словомъ въ слѣдъ указъ;
И въ сущи, ежели не лживо
Историкъ увѣряетъ насъ,
Лиса привезена, и проповѣдь сказала.
Какую жь проповѣдь! изъ кожи лѣзла вонъ!
Въ тирановъ громъ она бросала,
И путь же спонъ
И слезы извлекала,
Представляя, какъ отъ нихъ
Невинность унываетъ,
И каждый день въ мученьяхъ злыхъ
На небо лишь взираетъ,
Откуда праведный Судья и Царь царей
Не скоро, но воздастъ гонителямъ и ей.
Придворные оцѣпенѣли:

Какъ можно при Дворѣ такъ дерзко говоришь!
 Другъ на друга глядяшъ, но говоришь не смѣли,
 Смекнувъ, что царь Лису изволилъ похвалишь.
 Какъ новость, иногда и правда намъ по нраву!
 Короче вамъ: Лиса вошла и въ честь и славу;
 Царь Левъ, давъ лапу ей, привѣпливо сказалъ:

„Тобой я истину позналъ,

И болѣ прежняго гнушаешься спалъ пороковъ;
 Чего жъ ты пребуешь во мзду твоихъ уроковъ?
 Скажи, безъ всякаго зазрѣнья и стыда:
 Я твой должникъ.“ — Лиса глядь, глядь шуда,

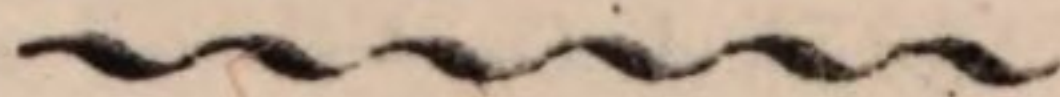
сюда,

Какъ будто совѣсти почувствуя улику,

„Всещедрый Царь — отецъ!

Отвѣстивовала Льву съ запинкой наконецъ:

Индѣекъ. . . . малую - толику.

Л А С Т О Ч К А и П Т И Ч К И.

Б а с н ь VII.

Лешунья Ласпочка и шамь и сямь бывала ,

Про многое слыхала ,

И многое видала ,

А потому она

И болѣ многихъ знала.

Пришла весна

И спали сѣянь ленѣ. „Не по сердцу мнѣ это !

Пичужечкамъ она твердитъ :

Сама я не боюсь , но васъ жаль : придеть лѣто ,

И это сѣмя вамъ напаси породитъ :

Произведеть силки и сѣпки ,

И будеть вамъ виной

Иль смерти , иль неволи злой ;

Спрашитесь вершела и клѣшки !

Но умъ поправитъ все , и вопъ его совѣтъ :

Слешитесь на загонѣ и выключите все сѣмя.“

Пустое ! разсмѣясь , вскричало мѣлко племя :

Какъ будто намъ въ поляхъ другаго корма
нѣтъ ! —

Чрезъ сколько дней потомъ , не знаю ,
 Ленъ вышелъ , началъ зеленѣть ,
 А ппичка ту же пѣсню пѣшь.

„Эй худу бышь ! еще вамъ , ппички , пред-
 вѣщаю :

Не дайте льну созрѣть ;
 Вонъ съ корнемъ ! или вамъ придется дождашься
 лиха ! “

Молчи , зловѣщая вралиха !

Вскричали ппички ей :

Ты думаешь легко выщипывать все поле ! —

Еще прошло съ десятокъ дней ,
 А можешь и гораздо болѣ ,
 Ленъ выросъ и созрѣлъ.

„Ну , ппички , вотъ ужъ ленъ по-
 спѣлъ :

Какъ хотите меня зовите —

Сказала Ласточка — а я въ послѣдній разъ
 Еще пришла наспавить васъ :

Теперь шого я ждите ,

Что пахари начнутъ хлѣбъ съ поля убирать ,
 А послѣ съ вами воевать :

Силками васъ ловить , изъ ружей убивать ,

И сѣпью покрывать ;

Избавитесь шакого бѣдства

Другаго нѣтъ вамъ средства ,

Какъ далѣ , далѣ прочь. Но вы не журавли ,

Для васъ вѣдь море край земли ;

Такъ лучше ближе пріюпишься,
 Забишься въ гнѣздышко, да въ немъ не шеве-
 лишься.⁶⁶

Пошла, пошла! другихъ стращай
 Своимъ пы вздоромъ!

Вскричали ппашечки ей хоромъ:

А намъ гуляшь ты не мѣ пай. —

И шакъ онѣ въ поляхъ лепали, да лепали,
 Да въ клѣшку и попали.

*

Всякъ только своему разсудку въ слѣдѣ идетъ:

А вѣруеть бѣдѣ не прежде, какъ придетъ.

ЧАСОВАЯ СТРѢЛКА.

Б а с н ь. VIII.

„Кто равенъ мнѣ? Солдатъ, любовникъ, сочи-
нишель,

И сторожъ и Министръ, и олшарей служишель,

И докторъ, и больной, и самый Государь —

Всѣ чувствуютъ, что я важнѣй, чѣмъ Календарь!

Я всякому изъ нихъ минуты означаю ;

Дѣля и день и ночь, я время измѣряю!“

Такъ, видя на нее зѣвующій народъ,

Хвалилась Стрѣлка часовая,

Межъ тѣмъ, какъ бѣдная Пружина, продолжая

Невидимый свой путь, давала Стрѣлкѣ ходъ!

*

Пружина Секретарь ; а стрѣлка, между нами...

Но вы умны: сменяйте сами.

ЧЕЛОВѢКЪ и КОНЬ.

А. В. КОЗРЕВА

Б а с н ь IX.

Чишпашели ! хошпашель знашь,
 Какъ лошадь намъ покорна спала ?
 Когда семья людей за лакомство счипала
 Коренья , жолуди жевашь ;
 Когда еще , не такъ какъ нынѣ ,
 Не знали ни карешъ , ни шоръ , ни хомуповъ ;
 На стойлахъ не было коней , ни лошаковъ ,
 И вольно было жишь , гдѣ хочешъ , всей скопинѣ :
 Въ шѣ времена Олень , поссорившись съ Конемъ ,
 Пырнулъ его рогами ;
 Конь былъ и самъ съ огнемъ ,
 И могъ бы опплатишь , да на бѣду ногами
 Не такъ проворенъ , какъ Олень ;
 Гоняся за нимъ напрасно , спалъ онъ въ пень .
 Что дѣлать ? Мщеніе опъ вѣка
 Пружина важная сердецъ ;
 И Конь прибѣгнулъ , наконецъ ,
 Къ искусству человека .

А шотъ и радъ служишь: скошину онъ взнуздалъ,
 Вспрыгнулъ къ ней на спину, и сполько рыси далъ,
 Чшо прыпкой нашъ Олень въ минушу спалъ ихъ
 жерпвой:

Наспигнушъ, пораженъ и палъ предъ ними
 мертвой.

Тогда помощника она благодарилъ;

„Ты мой спаситель! говоришь:

Мнѣ не забыть того, пока жива я буду;

А между шѣмъ... уже не въ мочь моей спинѣ;

Не лзяль сойши съ меня? Пора мнѣ въ степь
 опсюду!“

Зачѣмъ же не ко мнѣ?

Сказалъ ей Человѣкъ: въ степи какой ждашь
 холи?

А у меня живи въ опряпсшѣ и красѣ,

И по брюхо всегда въ овсѣ —

Увы! чшо сладкій кусъ, когда нѣтъ милой воли!

Увидѣлъ бѣдный Конь и самъ, чшо сглуповалъ,

Да поздно: подъ ярмомъ состарѣлся, и палъ.

 ЛЕБЕДЬ и ГАГАРЫ.

 Б а с н ь X.

За то, что Лебедь такъ и бѣлъ и величавъ,
 Гагары на него изъ зависти напали,
 И крылья шиной замаравъ,
 Вкругъ Лебедя шѣснясь, нарочно опряхали,
 И брызгами его марали!
 Но Лебедю вреда не сдѣлали онѣ:
 Онъ въ воду погрузился,
 И въ прежней бѣлизнѣ
 Съ величешвомъ явился.

*

Гагары въ прозѣ и въ стихахъ!
 Возишесь, какъ хопише,
 Но право, истинный шалантъ не помрачише;
 Удѣлъ его: сіянь въ вѣкахъ.

РУЖЬЕ И ЗАЯЦЪ.

Б а с н ь XI.

Трусливыхъ наберешь не мало,
Опѣ скорохода до щенка;
Но Заяца никого трусливѣй не бывало.
Увидя онѣ Ружье, которое лежало
Вѣ ногахъ у спящаго стрѣлка,
Такъ испугался,
Что даже и бѣжать съ душею не собрался,
А только сжался,
И, уши на спину, моргая носомъ, ждетъ,
Что вмигъ Ружье убьетъ.
Проходитъ полчаса — перунъ еще не грянулъ:
Прошелъ и часъ — перунъ молчитъ,
А Заяцъ веселѣй глядитъ;
Потомъ, поободрясь, воспрянулъ,
Бросаетъ любопытный взглядъ —
Прыжокъ впередъ, прыжокъ назадъ —
И наконецъ къ Ружью подходитъ.
Такъ это, говоритъ, на Заяца страхъ наводитъ,
Посмотримъ ближе . . . да оно
Какъ мертвое лежитъ, не говоритъ ни слова!

Ага! хозяинъ спитъ — шакъ и Ружье равно
Безсильно, какъ лоза, безъ помощи другаго.

Сказавши это, Заяцъ мой

Въ минушу спалъ и самъ герой:

Храбрился, и Ружье ужъ лапою полкаетъ.

Прочь, бѣдна шварь! Ружье молчанье преры-
ваетъ:

Или не знаешь ты, что я лишь захочу,

Сей часъ тебя въ ничто за дерзость превращу?

Отъ грома моего и Левъ побѣдоносный,

И кровожадный Тигръ со шрепетомъ бѣгутъ;

Бѣги и ты, звѣрокъ несносный!

Иль молніи мои тебя сожгутъ.

„Не шакъ - то строго!

Отъ Зайца былъ Ружью отвѣтъ:

Вѣдь нынѣ умудрился свѣтъ;

И между Зайцами прусливыхъ ужъ не много.

Ты спрашно лишь въ рукахъ стрѣлка, а безъ него

Ты ничего.“

*

Ничто и ты, Законъ! — подумаетъ чипашель —

Когда не бодрствуетъ, но дремлетъ Предсѣ-
датель.

ОРЕЛЪ, КИТЪ, УЖЪ и УСТРИЦА.

Б а с н ь XII.

Орелъ парилъ подъ облаками,
 Китъ волны разсѣкалъ, а Ужъ ползъ по зѣмли;
 И всѣ, что рѣдкость между нами,
 О томъ и думать не могли,
 Чтобъ позавидовать чужой на свѣтѣ долъ;
 Однакожь говоришь и мыслишь въ нашей волѣ.
 И Устрица моя ни мало не винна,
 Что, глядя на того, другова,
 Возспала на судьбу она.
 Тѣфу пропась! вскрикнула, не ужель никакова
 Таланта не дано лишь только мнѣ одной?
 Дай полечу и я! . . . нѣтъ, это даръ не мой;
 Дай, поплыву! — все идетъ хило;
 Хоть пополземъ — ни путъ-то было!
 А что и эшаго досади́бе сто разъ:
 Подкрался водолазъ,
 Который видно что подслушалъ,
 Схватилъ ее, да въ ротъ, и на здоровье скусалъ.

Вотъ такъ - по-весь нашъ вѣкъ
Въ пустыхъ желаньяхъ погибаетъ !

И рѣдкой человѣкъ

Доволенъ участью бываетъ.

„Изрядно, но . . . авось и лучшее найду.“

А смотришь : и нашелъ бѣду !

КАРЕТНЫЯ ЛОШАДИ.

Б а с н ь XIII.

Двѣ Лошади везли карету ;
Оселъ , увидя ихъ , сказалъ :
„Съ какою завистью смотрю на пару эту !
Нѣтъ дня, нѣтъ гдѣ нибудь ее я не встрѣчалъ ;
Все вмѣстѣ : видно очень дружны !“ —
Дуракъ , дуракъ ! при всей длинѣ своихъ ушей !
Сказала въ слѣдъ ему одна изъ лошадей :
Ты только лишь глядишь на признаки наружны;
Диковинналь всегда въ упряжкѣ бышь одной ,
А розно жишь душой ?
Увы ! не намъ чета, живущъ на насъ похоже !“ —
Вчера мнѣ Хлоинъ мужъ шепнулъ въ Собраньи
то же.

Д В А Г О Л У Б Я

Б а с н ь XIV.

Два Голубя друзьями были,
Издавна вмѣстѣ жили
И кушали и пили.

Соскучился одинъ все видѣвъ пожъ, да пожъ;
Задумалъ погулявъ, и другу въ помѣ открылся.

Тому вѣсть эта острый ножъ;

Онъ вздрогнулъ, прослезился

И къ другу возопилъ:

Помилуй, брацецъ! чѣмъ меня ты поразилъ?

Легколь въ разлукѣ бытъ!... Тебѣ легко, жестокой!

Я знаю; ахъ! а мнѣ . . . я, съ горести глубокой,

И дня не проживу. . . . Къ тому же разсуди,

Такая ли пора, чтобъ въ странствіе пускашь?

Хоть до Зефировъ ты, Голубчикъ, погоди!

Къ чему спѣшишь? Еще успѣемъ мы распаться!

Теперь лишь Воронъ прокричалъ,

И безъ сомнѣнія — спашуся я безмѣрно! —

Какой нибудь изъ птицъ напастъ онъ предвѣщалъ,

А сердце въ горести и пуще имовѣрно!

Когда разстанусь я съ тобой,
 То будешь каждый день мнѣ угрожать бѣдой:
 То Ястребомъ лихимъ, по люпыми спрѣлками;
 То Коршунами, по силками —
 Все, злое, сердце мнѣ на память приведетъ.
 Ахъши мнѣ! я скажу, вздохнувши, дождь идетъ!
 Здоровъ ли - то мой другъ? не терпишь ли онъ
 холодъ?

Не чувствуешь ли голодъ?
 И мало ли чего не вздумаю тогда!
 Безумцамъ умна рѣчь, какъ въ ручейкѣ вода:
 Журчитъ и мимо пропекаетъ.
 Затѣйникъ слушаетъ, вздыхаетъ,
 А все - таки лепѣтъ желаетъ.
 „Нѣтъ, братецъ! такъ и быть, сказалъ онъ, по-
 лечу!
 Но вѣрь, что я тебя крушить не захочу;
 Не плачь, пройдетъ дни три, и буду я съ то-
 бою

Клевать

И ворковать

Опять подъ кровлею одною;
 Начну рассказывать тебѣ по вечерамъ —
 Вѣдь все одно да пожъ приговорится намъ —
 Что видѣлъ я, гдѣ былъ, гдѣ хорошо, гдѣ худо;
 Скажу: я тамъ - то былъ, такое видѣлъ чудо,
 А тамъ случилось то со мной —
 И ты, дружечикъ мой,

Наслушавсь мене, шакъ свѣдущъ будешь къ
лѣшу,

Какъ будто бы и самъ гулялъ по бѣлу свѣшу.

Проспижъ ! — При сихъ словахъ,
На мѣсто всѣхъ *увы!* и *ахъ!*

Друзья взглянулись, поклевались,
Вздохнули и разошлись.

Одинъ, носокъ повѣся, сѣлъ;
Другой вспорхнулъ, взвился, лепишъ, лепишъ
спрѣлою,

И вѣрнобъ сгоряча край свѣта залетѣлъ;

Но вдругъ покрылось небо мглою,

И прямо спраннику въ глаза

Изъ тучи ливный дождь, градъ, вихрь, сказашъ
вамъ словомъ,

Со всею свишою, какъ водится, гроза!

При случаѣ такомъ, опасномъ, хопъ не новомъ,

Голубчикъ поскорѣй садится на сучокъ,

И радъ еще тому, что только лишь измокъ.

Гроза утихнула, Голубчикъ обсушился

И въ путь опять пустился;

Лепишъ, и видишъ съ высока

Разсыпано пшено, а возлѣ Голубка!

Садится, и въ минушу

Запушался въ сѣти; но сѣть была худа,

Такъ онъ прошивъ нее носкомъ вооружился;

То имъ, то ножкою пянувъ, пянувъ — пробился

Изъ сѣти безъ вреда,

Съ утрапой перьевъ лишь ; но это ли бѣда ?

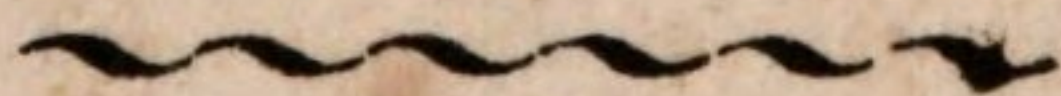
Ко прибавленью страха ,
 Явился вдругъ Соколъ , и , со всего размаха ,
 Напалъ на бѣдняка ,
 Который , какъ злодѣй , опушанъ кандалами ,
 Тащилъ съ собой снурокъ съ обрывками силка .
 Но , къ счастью , пущъ Орелъ съ широкими крылами
 Для встрѣчи Сокола спустился съ облаковъ ;
 И такъ , благодаря спеченію воровъ ,
 Нашъ пущникъ Соколу въ добычу не достался ;
 Однако все еще съ бѣдой не развязался :
 Леша отъ Сокола , отъ страха , или такъ ,
 Насунулся избы на уголъ , какъ дуракъ ,
 И вывихнулъ крыло ; попомъ въ него мальчишка —
 Знашь голубиный былъ и въ помъ еще умишка —
 Кирпичъ иль камешекъ лукнулъ ,
 И такъ его зашибъ , что чуть онъ отдохнулъ ;
 Попомъ . . . попомъ , проклявъ себя , судьбу ,
 Дорогу ,
 Рѣшился брестъ назадъ , полмершвый , полхромой ,
 И прибылъ наконецъ калекою домой ,
 Таща свое крыло и волочивши ногу .

О вы , которыхъ богъ любви соединилъ !
 Хошите ли странствовать ? Забудьте гордый Нилъ ,
 И далѣ ближняго ручья не разлучайтесь .
 Чѣмъ любовались вамъ ? другъ другомъ восхи-
 щайтесь !

Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ
 Прекрасный, новый міръ , всегда разнообразный !
 Бываетъ ли въ любви хоть мигъ , для сердца
 праздный ?

Любовь , повѣрьте мнѣ , все замѣнитъ для васъ.
 Я самъ любилъ : тогда за лугъ уединенной ,
 Присутствіемъ моей любезной озаренной ,
 Я не хотѣлъ бы взять ни мраморныхъ палащъ ,
 Ни царства въ небесахъ!... Придешель вы назадъ ,
 Минуты радостей , минуты восхищеній ?
 Иль буду я однимъ воспоминаньемъ жить ?
 Ужель прошла пора столь милыхъ обольщеній ,
 И полно мнѣ любить ?

К О Н Е Ц Ъ П Е Р В О Й К Н И Г И .

КНИГА ВТОРАЯ.

МУДРЕЦЪ и ПОСЕЛЯНИНЪ.

БАСНЯ I.

Какъ я люблю моихъ героевъ воспѣвать!

Не знаю, могутъ ли они меня прославить;

Но мнѣ ихъ тяжело оставить.

Съ живошными я радъ всечасно лепешать,

И вѣкъ мой корошатъ;

Люблю ихъ общество! — Согласенъ я, конечно,

Есть и у нихъ свой плутъ, сущага и пролазъ,

И хуже эшаго; но я чистосердечно

Скажу вамъ между насъ:

Опаснѣй пварей всѣхъ словесную счишаю,

И плутъ за плуша — я лису предпочитаю!

Такихъ же мыслей былъ покойникъ, мой зем-
лякъ,

Не авторъ, ниже чтецъ, однако не дуракъ,

Честнѣйшій человекъ, оракулъ всей округи.

Отецъ ли огорченъ, размолвлялся супруги,

Торгашъ ли заведетъ съ товарищемъ расчетъ,
Сироткаль своего лишается наслѣдства:

Всѣмъ нужда до его совѣтовъ, иль посредства.

Какъ важно иногда судилъ онъ у воротъ

На лавкѣ, окруженъ согласною семьею,

Дѣтьми и внуками, друзьями и роднею!

„Ты правъ! ты виноватъ!“ бывало скажетъ

онъ,

И эпитъ приговоръ былъ силенъ, какъ законъ;

И ни одинъ не смѣлъ, ни впрямь, ни спороною,

Скрыть правды предъ его почтенной сѣдиною.

Однажды, помню я, имѣлъ съ нимъ разговоръ

Прѣзжій - моралистъ, Нашуры испытатель.

“Скажи мнѣ, онъ спросилъ, какой тебя писа-

тель

Наспавилъ мудрости? Какихъ Монарховъ дворъ

Открылъ передъ тобой всѣ тайнства правленья?

Зенонъ ль спрогаго держался ты ученья,

Иль Пифагоровымъ послѣдовалъ стопамъ?

У Эпикура ли быть щастливымъ учился,

Или божественнымъ Платономъ озарился?“

А я ихъ и не зналъ ниже по именамъ!

Отвѣтствуешь ему смиренно сельскій житель:

Природа мнѣ букварь, а сердце мой учишель.

Вселенну населилъ живошными Творецъ;

Въ наукѣ нравственной я ихъ бралъ въ образецъ:

У крошкхъ голубковъ я перенялъ быть нѣжнымъ;

У муравья къ труду прилѣжкымъ

И на зиму запасъ копишь ;
 Воломъ я наученъ шерпѣнью ;
 Овечкою смиренью ;
 Собакой неусыпнымъ быть ;
 А еслибъ мы дѣшей невольно не любили ,
 То куры бы меня любить ихъ научили ;
 По мнѣ же такъ легко и всякаго любить !
 Я зависти не знаю ;
 Доволенъ тѣмъ, что есть — богатый пусть бо-
 гатъ ,
 А бѣднаго всегда , какъ брата , обнимаю ,
 И съ нимъ дѣлился радъ ;
 Спараюсь, наконецъ, разсудка быть подъ власью ,
 И только — вошь и вся моя наука щастью !

МОЛЧАНІЕ СОЛОВЬЯ.

Б а с н ь II.

Умолкъ Соловушка ! конечно бѣдный боленъ ,
Или подружкой не доволенъ ,
А можетъ и несчастливъ въ ней !
Мнѣ жалокъ онъ ! сказалъ печально Воробей. —
„Онъ жалокъ ? Зяблицѣ къ словамъ его приспала:
Какъ мало въ сердцѣ ты чисталъ !
Я лучше опгадала :
Любилъ онъ , такъ и пѣлъ ; спалъ щасливъ ,
замолчалъ.“

КАЛИФЪ.

БАСНЯ III.

Противъ Калифова огромнаго дворца
 Стояла хижина, безъ кровли, безъ крыльца,
 Издавна вешая и близкая къ паденью,
 Едвадь приличная и самому смиренью.
 Согбенный спаросью ремесленникъ въ ней жилъ;
 Однако онъ еще по мѣрѣ силъ прудился,
 Ни злыхъ, ни совѣсти ни мало не спрашилъ,
 И *тихимъ вечеромъ* своимъ доволенъ былъ.

Но хужиной его Визирь спалъ недоволенъ:
 „Терпимъ ли — онъ своимъ расчищывалъ умомъ —

Видѣ бѣдности передъ Дворцомъ?

Но развѣ Государь сломать ее не воленъ?

Подамъ ему докладъ, и хижинѣ не быть.“

На эшотъ разъ Визирь обманутъ былъ въ надеждѣ.

Докладъ подписанъ такъ: „*Быть по сему; но*
прежде

Строенье ветхе купить.“

Послали Надія съ сосѣдомъ торговаться;

Кладутъ предъ нимъ на столъ съ червонными
 мѣшокъ.

„Мнѣ въ деньгахъ нѣтъ нужды, сказалъ имъ про-
 спачокъ:

А съ домомъ ни за что не можно мнѣ расстаться;

Я въ немъ родился, въ немъ скончался мой отецъ,
Хочу, чшобъ въ немъ же Богъ послалъ и мнѣ ко-
нецъ.

Калифъ конечно самовласенъ,
И каждый подданный къ нему подобострасенъ;
Онъ можетъ при моихъ глазахъ
Развѣять вмигъ гнѣздо мое, какъ прахъ;
Но чшожъ послѣдуетъ? Несчастнымъ слезы въ пищу:
Я всякой день приду къ родиму пепелищу;
Восяду на кирпичъ съ поникшей головой
Небеснаго подъ кровомъ свода,
И буду предъ Олицемъ народа
Оплакивать мой жребій злой!“

Отвѣтъ былъ Визирю до слова пересказанъ,
А потъ спѣшивъ объ немъ Калифу донести;
Тебѣ ли, Государь, отказъ такой снести?
Ужель останется рабъ дерзкой не наказанъ?
Калифу говорилъ Визирь наединѣ.
„Да! подхвалилъ Калифъ, отвѣтъ угоденъ мнѣ;
И я тебѣ повелѣваю:

Впредь помня навсегда, что въ правдѣ нѣтъ вины,
Исправить хижину на счетъ моей казны;
Я съ нею шолько жить въ попомкахъ уповаю;
Да скажетъ имъ Дворецъ: такой-то пышно жилъ;
А эта хижина: онъ правосуденъ былъ!

ОСЕЛЪ, ОБЕЗЬЯНА и КРОТЪ.

Б а с н ь IV.

Не диво ли? Оселъ вдругъ ипохондрикъ спалъ!

Зарюмилъ, зарычалъ:

Зачѣмъ неправосудны боги

Быкамъ крупные дали роги,

А онъ рожденъ безъ нихъ, а онъ безъ нихъ умретъ?

Дуракъ дурацкое и вретъ;

Онъ видно думалъ, что въ народѣ

Рога въ великой модѣ.

Какъ обезьяну намъ унять,

Чтобъ ей чего не перенять?

Ну, и она богамъ пеняетъ:

Зачѣмъ, къ ея стыду, печали,

Они ей хвостъ коропкой дали?

„А я и слѣпъ! — Зажмищежь ротъ!“

Сказалъ имъ, высунясь изъ норки, бѣдный Кропъ!

АМУРЬ, ГИМЕНЬ и СМЕРТЬ.

Б а с н ь V.

Амуръ , Гименъ со Смертью спрогой
Когда - то шли одной дорогой
Изъ свѣща по своимъ домамъ ,
И вздумалось молодцамъ
Впащипъ старуху въ разговоры.
Признайся, говорящъ, шы, Смерть, не рада намъ?
Ты ненавидишь насъ? — „Я ? вышараща взоры ,
Спросила Смерть ихъ : да за что ?“
Ну , какъ за что ! за то ,
Что мы въ намѣреньяхъ согласны не бываемъ :
Ты все моришь , а мы раждаемъ. —
„Пустое, брашцы! Смерть сказала имъ въ отвѣщъ:
Я зла на васъ ? . . . Перекреститесь !
Людьми снабжая свѣтъ ,
Вы для меняжь прудились.“

И С Т О Р І Я

Б а с н ь VI.

Столица роскоши, искусства и наукъ
 Предъ мужествомъ и силой пала;
 Но пышнымъ зодчествомъ художественныхъ
 рукъ

Еще она блистала,
 И побѣдишеля взоръ дикой поражала.
 Онъ съ изумленіемъ глядитъ на испуканъ
 Съ такою надписью: „блоспшелю гражданъ,
 Опцу Опечесва, ушѣхъ смертныхъ рода,
 Отъ благодарнаго народа.“

Царь - варваръ пронутъ былъ
 Споль новой для него и благородной данью;
 Влекомъ къ невольному вниманью,
 Въ молчаньи, долго глазъ онъ съ лика не сводилъ.
 Хочу, сказалъ попомъ, узнать его дѣянья —
 И въ мигъ полмачъ его, разгнувъ бытописанья,
 Читаешъ въ слухъ: сей Царь, бичъ поддан-
 ныхъ своихъ,

Родился къ гибели и посрамленью ихъ:
 Подъ скипетромъ его желѣзнымъ
 Законъ безмолвствовалъ, духъ доблести упалъ,

Достойный гражданинъ считался безполезнымъ ,
 А рабъ коварствомъ пушъ къ фортуна пролагалъ;
 Ничпожрый подъ вѣнцомъ , угодникъ всякой
 спраси ,

Онъ сдѣлалъ первый шагъ къ самодержавной власти.

Въ такомъ-то образѣ *Отечества Отецъ* (*)

Попомству преданъ былъ Исторіей правдивой.

Чему же вѣришь мнѣ ? воскликнулъ , наконецъ ,

Смященный Скиѣв: — Монархъ боголюбивой !

Согнувшись до земли , вельможа далъ отвѣтъ :

Я, рабъ швой, при Царяхъ полѣвка пресмыкался;

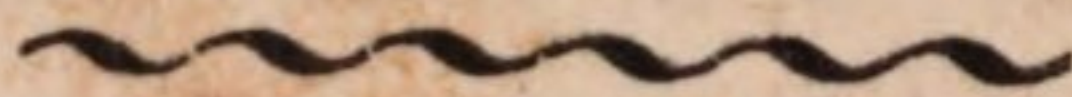
Сей памятникъ въ моихъ очахъ сооружался ,

Когда еще тиранъ былъ бодръ и въ цвѣтѣ лѣтъ;

А повѣсть , сколько я могу припомнить нынѣ ,

О немъ и прочемъ вышла въ свѣтъ . . .

Гораздо по его кончинѣ.

(*) Можешь быть , кто иибудь изъ моихъ криптиковъ замѣтитъ , что въ эпомъ стихъ при рѣченіи сряду начинающа съ одной буквы. Винюсь предъ нимъ , и беру эпомъ грѣхъ на мою совѣсть.

ПРОХОЖІЙ.

Б а с и ъ VII.

Прохожій, въ монастырь зашедши на пужи,
Просилъ у брагій позволенья
На колокольню ихъ взойти.

Взошелъ, и спалъ хвалишь различныя явленья,
Которыя ему открыла высота.

„Какія, онъ вскричалъ, волшебныя мѣста!

Вдругъ вижу горы, лѣса, озера и долины!

Великолѣпныя картины!

Не правда ли?“ вопросъ онъ сдѣлалъ одному

Изъ брагій съ нимъ стоящихъ. —

Да! пруженикъ, вздохнувъ, отвѣспивовалъ ему:

Для проходящихъ.

Д В А Д Р У Г А .

Б а с н ь VIII.

Давно уже, давно два друга гдѣ-то жили,
Одну имѣли мысль, одно они любили,

И каждый часъ

Другъ съ друга не спускали глазъ;

Все вмѣстѣ, только ночь одна ихъ разводила;

Но нѣтъ, и въ ночь душа съ душою говорила.

Однажды одному приснился спрашный сонъ;

Онъ вмигъ изъ дому вонъ,

Бѣжишь въспревоженный ко другу,

И будишь — топъ вскочилъ.

Какую пребуешь услугу?

Смушая онъ говорилъ:

Такъ рано никогда, мой другъ, не пробуждался!

Что значишь твой приходъ? Иль въ карты
проигрался?

Вопъ вся моя казна! Иль къмѣ ты огорченъ?

Вопъ шпага! я бѣгу — умру, иль ты опмщенъ!

„Нѣтъ, нѣтъ, благодарю; не это, ни другое,

Другъ нѣжный оцвѣчалъ: останься ты въ покоѣ;

Проклятый сонъ всему виной !

Мнѣ снилось на зарѣ , что другъ печаленъ мой ,

И я я сполько тѣмъ смушился ,

Что потчасъ пробудился ,

И прибѣжалъ къ тебѣ , чтобъ успокоить духъ .“

Какой безцѣнный даръ , прямой , сердечный другъ !

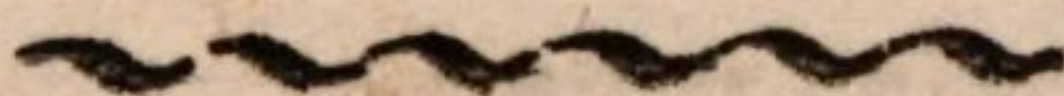
Онъ всякія къ твоей услугѣ ищетъ средства ;

Отгадываетъ грусть , предупреждаетъ бѣдства ;

Его бездѣлка , сонъ , ничто приводитъ въ страхъ ,

Другъ въ сердцѣ , другъ въ умѣ , — и онъ же

на устахъ !

С О В Ъ С Т Ь.

Б л с н ь IX.

Не шигръ, а человѣкъ — и сынъ убилъ . . . отца!
Убилъ, но никому невѣдомо то было;
Однакожь сердце въ немъ уныло,
Завянуль цвѣтъ лица,
Сталъ робокъ, одичалъ, и наконецъ сокрылся
Въ дремучіе лѣса.
Однажды, между тѣмъ, какъ онъ бродилъ, помился,
Попалось ему въ глаза
Воробышковъ гнѣздо; онъ подобралъ камень
И началъ въ нихъ лукашь.
Прохожій, видя то, и выйдя изъ терпѣнья,
Кричитъ ему: почто невинныхъ убиваешь?
„Какъ! онъ оповѣстивуетъ, легка ли небылица?
Проклятые кричатъ, что я опцеубійца!“
Прохожій на него бросаетъ строгій взоръ;
Онъ весь трясется и блѣднѣетъ;
Злодѣйство на челѣ часъ отъ часу яснѣетъ;
Винится, и вкусилъ со смертію позоръ.

О Совѣсть ! добрыхъ душъ послѣдняя подруга !

Гдѣ уголокъ земнаго круга ,

Куда бы не проникъ твой гласъ ?

Неумолимая ! вездѣ найдешь ты насъ.

ДРЯХЛАЯ СТАРОСТЬ.

Б а с н ь Х.

„Возможно ли, какъ въ шридцать лѣтъ
Перемѣнилось все!... ей, ей, другой спалъ свѣтъ! —
подагривъ размышлялъ, на креслахъ няньча
ногу —

Бывало въ наши дни и помолишься Богу,
И погуляешь, всему былъ часъ;
А нынѣ что у насъ?
Повсюду скука, да заботы,
Ни пляшутъ, ни поютъ—нѣтъ ни къ чему охоты!
Такаяль въ шарину бывала и весна?
Гдѣ нынѣ красны дни? гдѣ слышно ппичекъ пѣнье?
Охти мнѣ! знать пришли послѣдни времена;
Предвижу я швое, Природа, разрушенье!“
При эшомъ словѣ вдругъ, съ восторгомъ на лицѣ,
Племянница къ нему вбѣжала.

„Простите, дядюшка! насъ матушка послала
Съ мадамой въ лѣпній садъ. Всѣ, всѣ ужъ на
крыльцѣ,
Какой же красный день!“ И вмигъ ее не стало.

Какая вѣтренность ! Вотъ модные умы !
Мудрецъ нашъ заворчалъ : такими ли , бывало ,
Воспитывали насъ ? Мой Богъ ! все хуже стало. —

Чишашели ! подагрикъ — мы.

ДОНЪ - КИШОТЪ.

Б а с н ь XI.

Надсѣвшисъ Донъ-Кишотъ съ баранами сражашься,
Рѣшился лучше ихъ пасши,
И жизнь невинную въ Аркадіи весши.
Проворнымъ долголь снаряжашься?
Обломокъ дропика пошелъ за посошокъ,
Копомкой съ шабакомъ мѣшокъ,
Фуфайка спальная паспущечьимъ камзоломъ,
А шляпу, въ знакъ его союза съ нѣжнымъ по-
ломъ,
У ключницы своей соломенную взялъ,
И лентой розоваго цвѣта
Подъ блѣдны щоки подвязалъ
Узлами въ образъ букета.
Спустилъ на волю кобеля,
Которой къ хлѣбному прикованъ былъ анбару;
Послалъ въ мясномъ ряду купить барановъ пару,
И стадо онъ свое разсыпалъ на поля
По первому морозу;
И началъ воспѣвать зимой весенню розу.
Но въ этомъ худа нѣтъ: веселому все въ ладъ,

И пусть играетъ всякъ любимою игрушкой;

А вотъ что не въ попадѣ :

Идетъ коровница — почтя ее паслушкой ,

Согнулъ нашъ паслушокъ колѣна передъ ней ,

И, размахнувъ руками ,

Отборными словами

Пустился пѣть эклогу ей.

„Аглая ! — говоритъ — прелесная Аглая !

Предметъ и тайныхъ мукъ и радостей моихъ !

Всегда ли будешь ты , мой пламень презирая ,

Лелѣять и любить овеченъ лишь своихъ ?

Послушай , милая ! тамъ , позади кусточковъ ,

На деревѣ гнѣздо нашелъ я голубочковъ :

Прими въ подарокъ ихъ отъ сердца моего ;

Я радъ бы подарить любезную полсвѣшомъ :

Увы ! мнѣ , кромѣ ихъ , Богъ не далъ ничего !

Они бѣлы , какъ снѣгъ , равны съ тобою цвѣ-
томъ ,

Но сердце не швое у нихъ ! “

Межь пѣмъ , какъ полстая коровница Аглая ,

Кудрявыхъ словъ такихъ

Сѣдаго паслушка совсѣмъ не понимая ,

Стоитъ , разинувъ ротъ и выпуча глаза ,

Ревнивый мужъ ея , подслушавъ Селадона ,

Такого далъ ему пуза ,

Что онъ невольно лбомъ опвѣсилъ при по-
клона ;

Однакожь головы и шупъ не потерялъ.

Часть III.

4

„Паспухъ - невѣжда ! онъ вскричалъ :
Не смѣй ты нарушать закона !

Начнемъ паспушій бой ;
Пусть побѣдителя Аглая увѣнчаетъ :
Не бей меня , но пой ! “

Мужъ грубый кулакомъ вторичнымъ отвѣчаетъ,
И, къ счастью, въ глазъ, а не въ високъ.
Тупъ нѣжный , вѣрный паспушокъ ,
Смекнувъ , что это въявь увѣчье , не проказа ,
Чрезъ поле рысакомъ во весь пустился духъ ,
И съ этой спалъ поры ни вишязь, ни паспухъ ;
Но просто : дворянинъ безъ глаза.

*

Ахъ ! часто и въ себѣ я это замѣчалъ ,
Что глупости бѣжа , въ другую попадалъ.

 М У Х А.

Б а с н ь XII.

Быкъ съ плугомъ на покой пащился по трудахъ;
 А Муха у него сидѣла на рогахъ,
 И Муху же они дорогой повспрѣчали. —
 Откуда ты, сеспра? отъ этой былъ вопросъ. —
 А та, поднявши носъ,
 Въ отвѣтъ ей говоритъ: Откуда? мы пахали!

*

Отъ басни завсегда
 Нечаянно дойдешь до были.
 Случалось ли подчасъ вамъ слышать, господа:
 „Мы сбили! мы рѣшили!“

ПРИДВОРНЫЙ и ПРОТЕЙ.

Б а с н ь XIII.

Издавна говоряшъ, что будто Царедворцы
Для пользы опечесства худые рапоборцы;
А я въ защиту ихъ скажу, что въ старину
Придворный именно спасъ цѣлую страну.

А вотъ какъ это и случилось:

Былъ моръ; изъ края въ край все царство за-
разилось;

И рабъ, и господинъ, и попъ, лейбмедики самъ,

Все мретъ; а срокъ бѣдамъ

Зависѣлъ отъ ума Протей;

Но кто къ нему поидетъ? Кривляка эшотъ богъ

И прыпкихъ дѣлывалъ безъ ногъ,

Различны виды брашь умѣя.

Изъ тысячи гражданъ одинъ былъ только смѣлъ,

Хошя онъ при Дворѣ возросъ и посѣдѣлъ;

Идти на всякой страхъ, во что бы то ни стало.

Увидя рыцаря, Протей запрепешалъ,

И вмигъ — какъ не бывалъ,

А выползла змѣя прекрасная, скрывъ жало.

„Куда какъ мудрено!

Сказалъ съ усмѣшкою Придворный :

Я ползашъ и колошъ ужъ выученъ давно. “

И кинулся герой проворный

Ловишь Прошея — шопъ вдругъ обезьяной сталъ,

Тамъ волкомъ , шамъ лисою. —

Не хвастайся передо мною !

И этому гораздъ — Придворный говорилъ —

А между шѣмъ его веревкою крушилъ ;

Скрупя же , говоришь легко его заставилъ ;

И цѣлую спрану отъ мора шѣмъ избавилъ.

КОКЕТКА и ПЧЕЛА.

Б А С Н Ъ XIV.

Прелестная Лизета

Лишь только что успѣла вспасть
Съ поспели роскоши, дойши до туалета,
И дружеской совѣщъ начасть
Съ повѣреннымъ всѣхъ чувствъ, желаній,
Оспрадъ, веселья и спраданій:
Съ уборнымъ зеркаломъ — вдругъ спрашная Пчела
Вокругъ Лизеты зажуужжала!

Лизета обмерла,

Вскочила, закричала:

„Ахъ, ахъ! Миссѣ Женни, поскорѣй!

Параша! Дунюшка!“ — Весь домъ сбѣжался къ ней;
Но поздно! Ни любовь, ни дружество, ни злобо,
Ни что не ошвращитъ неумолимый рокъ!

Чудовище крылато

Успѣло уже сѣсть на розовый ропокъ,

И Лиза въ обморокъ упала.

Не дамъ торжествовать тебѣ надъ госпожой!

Вскричала Дунюшка, и смѣлою рукой

Въ минушу Пчелку поимала;

А плѣнница въ слезахъ, въ отчаяньи жужжала:

„Клянуся Флорою! хотѣла ли я зла?

Я аленькой ропокъ за розу приняла.“

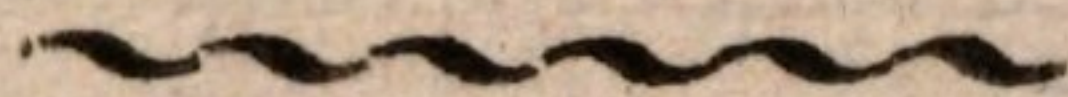
Споль жалостная рѣчь Лизету воскресила.

„Дуняша! говоришь Лизета: жаль Пчелы;

Пусти ее; она почти не уязвила.“

Какъ сильно дѣйствуетъ и крошечка хвалы!

ГОРЕСТЬ И СКУКА.

Б а с н ь ХУ.

Бѣднякъ, не бѣвши день, отъ глада
Лилъ слезы и вздыхалъ;
Богачъ отъ сытости скучалъ,
Зѣваячи средь сада.

Кому тяжелѣе? Чтobъ это разрѣшитъ,
Я долженъ мудреца здѣсь слово приложитъ:
Отъ скуки самое желанье оплещаетъ,
А горести слезу надежда опираетъ.

ПОЛЕВОИ ЦВѢТОКЪ и ГВОЗДИКА.

Б а с н ь XVI.

Простой цвѣточикъ, дикой,
Не знаю, какъ попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоз-
дикой;
И что же? опъ нее душистымъ спалъ и самъ!

*

Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

 МОЛИТВЫ.

 БАСНЬ XVII.

Въ преддверьи храма
 Благочеспивый мужъ прихода ждалъ жреца,
 Чщобъ горстью еиміама
 Почпишь вселенныя Творца
 И вознеспи къ Нему смиренныя обѣщанья:
 Онъ въ море оппустилъ пѣсь съ грузомъ кораблей,
 Опсправилъ на войну любимыхъ двухъ дѣшей
 Въ цвѣщущія ихъ лѣщанья,
 И ждалъ съ часа на часъ опъ милыя жены
 Любви новаго залога.
 Довольно и одной послѣднѣя вины
 Къ тому, чщобъ вспомнишь Бога.
 Увидя съ улицы его одинъ мудрецъ,
 Зашелъ въ преддверіе и спалъ надъ нимъ смѣясь.
 Возможно, говоришь, какой ты образецъ?
 Тебѣ ли съ чернію равняешься?
 Ты умный человекъ, а вѣришь въ томъ жрецамъ,
 Чщто наше пѣніе доходишь къ Небесамъ!

Невѣдомый, Кто сей громадой міра правитъ,
 Кто взглядомъ можетъ все шворенье испребишь,
 Восхочетъ ли на то вниманье обратишь,
 Что неprimѣнный червь Его жужжаньемъ сла-
 витъ?

Подите прочь, ханжи, вы съ ладаномъ своимъ!
 Вы истинныя вѣры чужды.
 Молишвы!... нѣтъ Тому въ нихъ нужды,
 Кто мудрыми богошворимъ.

„Постой! здѣсь набожный его перерываетъ:

Не истощай ты силъ своихъ!

Что Богу нужды нѣтъ въ молитвахъ, всякой
 знаетъ;

Но можноль намъ прожить безъ нихъ? .

СЛѢПЕЦЪ И РАЗСЛАБЛЕННЫЙ.

Б а с н ь XVIII.

„И ты несчастливъ !... дай же руку !
 Начнемъ другъ другу помогать.
 Ты скажешь: есть кому мнѣ вздохъ мой передашь;
 А я скажу: мою онъ знаетъ грусть и муку —
 И легче будетъ намъ.“
 Такъ говорилъ мудрецъ Воспока,
 И вотъ его же припѣча вамъ:
 Два были нищіе, и оба власью рока
 Лишенны были средствъ купить трудами хлѣбъ;
 Одинъ былъ слѣпъ,
 Другой разслабленный; желая смерти оба;
 Но горемыки здѣсь, какъ дара, ждущъ и гроба;
 На помощь къ нимъ и смерть нейдетъ.
 Разслабленный конца своимъ спраданьямъ ждетъ
 На голой мостовой, снося и жаръ и холодъ,
 Всего же чаще голодъ,
 И печувствительность румяныхъ богачей.
 Слепецъ равно терпѣлъ, или еще и болѣ:
 Тотъ могъ, хоша вдали, въ день лѣтній видѣть
 поле;
 А для него ужъ нѣтъ и солнечныхъ лучей!

Вся жизнь глубока ночь, и скороль разсвѣшаетъ,
Увы! не знаетъ.

Одной собачкой онъ былъ искренно любимъ,
Ласкаемъ и водимъ,

И ту какіе-то злодѣи не украли,

А нагло онъ его веревки опвязали

И увели съ собой.

Слѣпецъ случайно очутился

На томъ же мѣстѣ, гдѣ разслабленный помился;

Онъ слышитъ стонъ его, и самъ пускаетъ
вдохъ.

„Товарищъ! говоритъ: несчастныхъ сводитъ
Богъ;

Намъ должно побрашаться,

Имѣть одну суму

И вмѣстѣ горевать. Не спанемъ разлучаться!“

Согласенъ, отвѣчалъ разслабленный ему:

Но, добрая душа! накою мы подмогой

Другъ другу можемъ быть? ты слѣпъ, а я безногой!

Чшожь будемъ дѣлать мы? я и еще скажу. —

„Какъ! подхватилъ слѣпецъ: ты зрячь, а я хожу;

Такъ ты ссужай меня глазами,

А я съ охопою ссужусь тебѣ ногами;

Ты за меня гляди, я за тебя пойду —

И будемъ каждый такъ служить въ свою чреду.“

Конецъ книги второй.

КНИГА ТРЕТІЯ.

ВОСПИТАНІЕ ЛЬВА.

Баснь І.

У Льва родился сынъ. Въ столицѣ, въ городахъ,
Во всѣхъ его спранахъ

Помѣшныя огни, веселья, жертвы, оды;
Мохнатые пѣвцы всѣ въ запуски кричашъ:

„Скачи земля! възиграйте воды!

У Льва родился сынъ!“ И въ правду, кто не радъ?
Межъ шѣмъ, когда всякъ звѣрь воспоргомъ
упивался,

Царь - Левъ, какъ умный звѣрь, заботамъ пре-
давался,

Кому бы на руки дѣтя свое опдашь:

Наспавникъ долженъ бытъ уменъ, ученъ, не-
зlobенъ!

Ктобъ изъ звѣрей къ тому былъ болѣе способенъ?

Не шушка скоро опгадшь.

Царь, въ нерѣшимости, велѣлъ совѣтъ собрать;
Въ благоволеніи своемъ его увѣря,

Препоручилъ избрать ему,

По чистой совѣсти, по долгу своему,

Для сына въ Меншоры достойнѣйшаго звѣря.

Вспалъ Тигръ , и говоритъ :

„Война , война Царей великими творитъ ;
Твой сынъ , о Государь ! быть долженъ спра-
хомъ свѣта ;

И такъ образовашъ его младыя лѣта

Лишь томъ способенъ изъ звѣрей ,
Которой всѣхъ , по Львѣ , ужаснѣй и страш-
нѣй“ —

И осторожнѣе, Медвѣдь къ тому прибавилъ :

Чтوبъ онъ младаго Льва наставилъ
Умѣшъ и храбростью своею управляшъ. —
Противу мнѣня двухъ Лисѣ идти не можно ;
Однакожь , такъ и сякъ начавъ она виляшъ ,
Замѣшила , что дѣшьякъ должно

Знашъ и полишику , быть хитраго ума ,

Короче : какова сама.

За нею томъ и томъ свой голосъ подавали ,
И всѣ они , хопя себя не называли ,

Но ясно намекали ,

Что въ дѣшьяки лучше ихъ ужь не-кого избратъ.
Совѣшъы и вездѣ почти на эту спашъ.

„Позволеноъ и мнѣ сказать чепыре слова ?

Собака , наконецъ , свой голосъ подала :

Полишики , войны нѣшъ слѣдствія другаго ,

Какъ много шума , много зла.

Но славенъ добрый Царь коварствомъ ли и
кровью ?

Какъ подданныхъ своихъ составитъ щастье онъ ?

Какъ будетъ ихъ опцемъ? чѣмъ утвердитъ
свой проиъ?

Любовью.

Вотъ таинство, вотъ ключъ къ высокой и святой
Наукѣ добраго правленья!

Ктожь Принцу лучшія подастъ въ ней наставленья?

Никто, какъ самъ отецъ. — Тигръ сморитъ
какъ шальной,

Медвѣдь, другіе тоже; а Левъ, отъ умиленья
Заплакавъ, бросился Собаку обнимать.

Почто, сказалъ, давно не могъ тебя я знать?

О добрый звѣрь! тебѣ вручаю

Я щастіе мое и подданныхъ моихъ;

Будь сыну моему наставникомъ! Я знаю,

Сколь пагубны льстецы: укрой его отъ нихъ,

Укрой и отъ меня — въ швоей онъ полной волѣ.“

Собака отъ Царя идетъ съ дичащей въ поле,

Лелѣетъ, пѣснуетъ и учитъ между пѣмъ.

Урокъ былъ первой толѣ, что онъ Щенокъ, не
Львенокъ,

И въ дальнемъ съ нимъ родствѣ. Проходитъ
день за днемъ,

Уже питомецъ не ребенокъ,

Уже наставникъ съ нимъ обходитъ всѣ спраны,

Которыя въ удѣлѣ опцу его даны;

И Львенокъ въ первый разъ узналъ насиль-
ство власши,

Народовъ нищету, звѣрей худыя спраси:

Часть III.

Лиса їсть Кроликовъ , а Волкъ душисть Овецъ ,
Оленя давить Барсъ ; повсюду , наконецъ ,

Могучіе богаты ,

Безсильные отъ нихъ кряхтятъ ,

Быки работаютъ безъ плахи ,

А Обезьяну золотятъ .

Левъ молодой дрожитъ отъ гнѣва .

„Наставникъ! онъ сказалъ, подобныя дѣла
Доходятъ ли когда до свѣденія Царева ?

Ахъ, сколько бѣдствій, сколько зла!“ —

Какъ могутъ доходить? Собака отвѣчаетъ :

Его одна толпа щасливцевъ окружаетъ ,

А имъ не до того ; а шѣ , кого свѣдятъ ,

Не говорятъ . —

И такъ нашъ Львеночикъ , безъ дальнихъ раз-
мышлений

О томъ , въ чемъ доброту и мудрость спавитъ
свѣтъ ,

И добръ сталъ и уменъ ; но въ этомъ дива-
нѣтъ :

Примѣръ и опытность полезнѣй наставлений .

Онъ , въ доброй школѣ той взрослая , получилъ

Разсудокъ , мудрость , крѣпость шѣла ;

Однакожъ все еще не вѣдалъ , кто онъ былъ ;

Но вотъ , какъ случай самъ о томъ ему
открылъ :

Однажды на пупи Собака захотѣла

Взять отдыхъ , и легла подъ шѣнію деревъ .

Вдругъ выскочилъ злой Тигръ , разинулъ страш-
ный зѣвъ ,

И прямо къ ней, — но Левъ ,

Закрывъ ее собою ,

Взмахнулъ хвостомъ, запрясъ космашой головою,

Взревѣлъ — и Тигръ уже разцѣрзанный лежитъ!

Потомъ онъ въ радости къ наставнику бѣжитъ

И вопитъ: побѣдилъ! благодарю судьбину!

Но яль то былъ , иль нѣтъ? . . . Повѣришь ли ,
отецъ ,

Что въ этотъ мигъ , когда твой близокъ былъ
конецъ ,

Я вдругъ почувствовалъ и жаръ и силу Левину ;

Я точно . . . былъ какъ Левъ! — „Ты точно
Левъ и есть ,

Наставникъ отвѣчалъ , облившись слезами.

Готовься важную услышать , сынъ мой , вѣсть :

Опшынѣ . . . кончилось равенство между нами ;

Ты Царь мой! поспѣшимъ возвратомъ ко Двору.

Я все употребилъ , что могъ , тебѣ къ добру ;

Но ты! . . . и радости и грусти мнѣ причина!

Прости , о Государь! невольно слезы лью . . .

Опечесству опца даю ,

А самъ . . . теряю сына!“

БАШМАКЪ, МЪРКА РАВЕНСТВА.**Б а с н ь II.**

„Да что ты, долгой, возмечталъ ?
Я за себя и самъ, братъ, стану —
Грудцою наскоча, вскричалъ
Какой-то Карликъ Великану —
Твои, мой — права одни!“ —
Не спорю, что равны они,
Тотъ опивчается безъ задору:
Но мой башмакъ тебѣ не въ пору.

ЧЕЛОВѢКЪ и ЭХО.

Б а с н ь III.

Ругашель, клеветникъ на Эхо былъ сердитъ,
За чѣмъ, кого онъ ни поноситъ,

О комъ ни говоритъ,

Оно вездѣ разноситъ.

„Чтобъ громъ пришибъ, кричалъ въ досадѣ кле-
ветникъ:

У Эха злой языкъ!

Возможно ли? скажи пы слово:

Уже оно пошчасъ готово

За мною повторишь

И новыхъ на меня враговъ вооружишь.

Теперь ни въ клеветѣ, ни въ брани нѣтъ успѣха!

Никто не слушаетъ меня, и все отъ Эха.“ —

Напрасно пы меня винишь,

Съ усмѣшкой Эхо возразило:

Не хочешь пы, чтобъ я слова твои пвердило,

За чѣмъ же говоришь? —

Т Р И Л Ъ В А.

Б а с н ь IV.

Его Величество, Левъ сильный, Царь звѣрей,
Скончался.

Народъ совѣтовать собрался,
Когобъ изъ прехъ его дѣшей
Признать наслѣдникомъ короны. —

„Меня! сынъ старшій говорилъ:

Я сдѣлаю народъ наперсникомъ Беллоны.“ —

А я обогащу — середній подхвятилъ.

А лбъ его любилъ,

Сказалъ меньшей съ невиннымъ взоромъ —

И шумъ же нареченъ Владыкой всѣмъ соборомъ.

Д В Ъ Л И С Ы.

Б а с и ъ Ѹ.

Вчера, подслушалъ я, двѣ разныхъ свойствъ Ли-
сицы

Такой имѣли разговоръ :

„Тыль эшо, кумушка! давно ли изъ сполицы?“ —

Давноль оспавила я Дворъ?

Съ недѣлю. — „Какъ же ты развѣлась, подоб-
рѣла!

Знашь при Дворѣ у Льва привольное жипье?“ —

И очень! До сыпа всего пила и ѣла. —

„А въ чемъ шамъ ремесло главнѣйшее швое?“ —

Бездѣлица! съ ушра до вечера шаскашся ;

Гдѣ шакнушь, гдѣ польспишь, предъ сильнымъ
унижаешь,

И больше ничего. — „Какое ремесло!“ —

Однакожь миѣ оно довольно принесло :

Чинѣ, мѣшо. — „Горькій плодъ! Чины не возвы-
шаютъ,

Когда ихъ подлости цѣною покупають.“

СУПЪ ИЗЪ КОСТЕЙ.

Б а с н ь VI.

„О времена ! о времена !

Собака , выходя изъ нухни , горько выла :
Прощайся и съ костями ! будь вѣчно голодна ,
И околѣй за то , что съ вѣрностью служила !

Вотъ дождались какихъ мы дней !

Безвременная смерть ! ужъ нѣтъ намъ и костей!“ —
Да гдѣжь онѣ ? вопросъ ей сдѣлала другая ,

Собака пожилая ,

Прикованна подлѣ воротъ. —

„Въ кошлѣ , да не для насъ , а для самихъ господъ :
Какой - то выдумщикъ , злодѣй собачью роду ,
И вѣрно ужъ Французъ , пустилъ и кости въ моду !
Онъ выдумалъ изъ нихъ дешевый супъ варить ,
И хочетъ имъ людей кормить ;

А намъ уже ни кости !

Я пресну съ голода и злоспѣ!“ —

А мой совѣтъ , сказалъ на привязи мудрецъ :
Въ молчаніи терпѣть , пока судьба сурова !
Вѣдь эшотъ случай намъ не первый образецъ ;
Большой всегда живетъ на счетъ меньшова. —

МАЛЬЧИКЪ НА СТОЛѢ.

Б а с н ь VII.

Какъ я великъ ! съ стола мальчишка всѣмъ кри-
чалъ.

А нянька говоритъ : Сойди , такъ будешь малъ.

*

Кто въ этой Баснѣ намъ изображенъ мальчишкой?

Богачъ съ надменною и подлою душишкой.

ПУСТЫННИКЪ И ФОРТУНА.

Б а с н ь VIII.

Какой-то добрый человекъ,
Не чувствуя къ чинамъ охоты,
Не зная страха, ни заботы,
Безъ скуки провождалъ свой вѣкъ
Съ Плутархомъ, съ Лирой
И Плѣнирой,

Не знаю точно гдѣ, а только не у насъ.
Однажды, подвѣ вечеръ, какъ солнца лучъ погасъ
И масть качась дыша уже переставала,
Нечаянно къ нему Фортуна въ домъ попала,
И въ двери ну спучась. —

„Кто тамъ? Пустынникъ окликаешь. —

Я, я! — „Да кто, могу ли знать?“ —

Я! та, которая тебѣ повелѣваетъ
Скорѣе оппереть. — „Пустое!“ онъ сказалъ,
И замолчалъ. —

Ошопрешь ли? еще Фортуна закричала:
Я вѣкъ ни отъ кого отказа не слыхала;

Пуспи Форшуну ты со свипою кѣ себѣ,
 Сѣ Богатствомъ, Знанью и Чинами....
 Теперь извѣстналь я тебѣ? —
 „По слуху но куда мнѣ сѣ вами?
 Поди вѣ другой ты домъ,
 А мнѣ не помѣспишь, ей ей! такой содомъ.“ —
 Невѣжа! да пуспи меня хоть сѣ половиной,
 Хоть сѣ прешью, слышишь ли?... Ахѣ! сжался
 надѣ судьбиной
 Великолѣпнѣ . . . оно ужѣ чупѣ дышишь;
 Надѣ гордой Знанносью, которая дрожишь,
 И споя у порога мерзнешѣ;
 Тронись хоть Славою, мой миленькой дружокѣ!
 Еще мишута, все исчезнешѣ!...
 Упрямый! дай хощѣ Желанью уголокѣ. —
 „Да опвяжися ты, лихая пуспомѣля!
 Пустынникѣ ей сказалѣ: ну, право, не могу.
 Смощи: одна и естѣ поспеля,
 И шу я для себя сѣ Плѣнирой берегу.“

ОТЕЦЪ СЪ СЫНОМЪ.

Б а с н я IX.

„Скажите , бапюшка , какъ щаспія добишься?“
Сынъ спрашивалъ Опца. А потѣ ему въ отвѣтъ:

Дороги лучшей нѣтъ ,
Какъ шѣломъ и умомъ прудишься ,
Служа опеческву , согражданамъ своимъ ,
И чаще быть съ перомъ и книгой ,
Когда быть дѣльными хопимъ. —
„Ахъ, эшо тяжело! какъ легче бы?“ — Инпригой,
Вширашься жабой и ужомъ
Къ шому, кшо при Дворѣ Форпуной вознесешся. —
„А эшо низко!“ — Ну , шакъ просто быть
глупцомъ :
И эшакъ многимъ удаешся.

БОБРЬ, КАБАНЪ и ГОРНОСТАЙ.

Б а с н ь X.

Кабань, да Бобръ и Горносшай
 Столкнулись къ выгодамъ искашь себѣ дороги;
 По долгомъ странствіи, въ пуши опбивши ноги,
 Приходящъ, наконецъ, въ обѣшанный край,
 Привольный для всего! однакожъ эшотъ рай
 Былъ окруженъ болопомъ,

Вмѣстилищемъ и жабъ и змѣй.

Чшо дѣлать? ни какимъ не можно изворо-
 помъ

Болоша миновать, а кшо себѣ злодѣй,
 Кому охотно жизнь опваживаешь безъ славы?

Въ раздумьи пушники стоящъ у переправы.
 Осмѣлюсь, Горносшай помыслилъ, и слегка
 Онъ лапку въ бродъ — и вонъ, и одалъ въ два
 прыжка!

„Нѣтъ! брашцы, говоришь, по совѣсти при-
 знаешься,

Со всѣмъ обиліемъ край эшотъ нехорошъ;

Чшобъ входъ къ нему найши, такъ должно за-
 мараться,

А мнѣ и пѣшнышко (ужаснѣе, чѣмъ ножъ!) —

Ребята! Бобръ сказалъ, съ терпѣньемъ

И умѣньемъ

Добьешься до всего; я въ двѣ недѣли мостъ

Исправный здѣсь построю:

Тогда мы перейдемъ къ довольству и покою,

И гады въ споронѣ, и не замаранъ хвостъ.

Вся слава не спѣшишь, и бодрствовать въ на-
деждѣ. —

„Въ полмѣсяца? пустякъ! я буду тамъ и прежде“

Вскричалъ Кабанъ — и разомъ въ бродъ,

Ушелъ по рыло въ топъ, и змѣй и жабы, все
давишь,

Ногами бьешь, пыхтишь, упорно къ цѣли пра-
вишь,

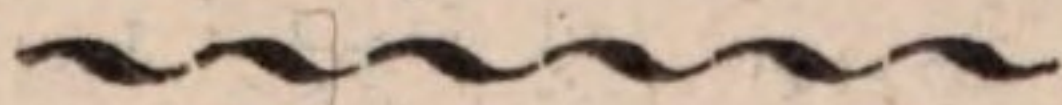
И хвастски на берегъ изъ мутныхъ вылезъ водъ;

Межъ тѣмъ, какъ на другомъ товарищи зѣваютъ,

Кабанъ, вспрягнувшись, надмѣнный принялъ видъ,

И чрезъ болото къ нимъ съ презрѣніемъ хрю-
чишь:

„Вошь какъ по нашему дорожку пробиваются!“

Ш А Р Л А Т А Н Ъ.

Б а с н ь XI.

Однажды Шарлапанъ во весь горланилъ ротъ :
Спупай ко мнѣ , народъ !
Смогри, и покупай : вотъ порошокъ чудесный !
Онъ умъ даетъ глупцамъ ,
Невѣжамъ знаніе , красотокъ старикамъ ,
Старухамъ прелести , достоинства плутамъ ,
Невинность преступленью ;
Вотъ первый способъ къ полученью
Всѣхъ благъ , какія насъ удобны только льспить ;
Повѣрьте говорю неложно :
Чрезъ этотъ порошокъ возможно
На свѣтѣ все доспашъ , все знать и все шворишь ;
Глядите! — И народъ спекается толпами.
Вѣдь любопытство не порокъ !
Бѣгу и я . . . но чтожь открылось передъ нами?
Въ бумажкѣ — золошой песокъ.

КНИГА РАЗУМЪ.

БАСНЬ XII.

Въ началѣ мірозданья,
 Когда соборъ боговъ,
 Не пребуя себѣ ни агнцевъ, ни цвѣтовъ,
 Всѣхъ пварей упреждалъ желанья,
 Въ то время—слухъ дошелъ преданіемъ до насъ—
 Юпитеръ въ милосѣивый часъ
 Далъ книгу человѣку,
 Копора замѣнишь могла библіотеку.
 Типуль ей: *Разумъ*, и она
 Самой Минервою была сочинена
 Съ той цѣлію, чѣмъ въ ней всѣ возрасты узнали
 Пушь къ добродѣтели, и щасливѣе стали;
 Однакожь въ даръ помъ небесномъ на земли
 Немного прибыли нашли.
 Чишая сочиненье,
 Младенчество оди въ немъ видѣло чершы;
 А Юность — только заблужденье;
 Въкъ зрѣлый — поздно сожалѣнье;
 А Старость — выдрала лиспы.

ПЧЕЛА и МУХА.

Б а с н ь XIII.

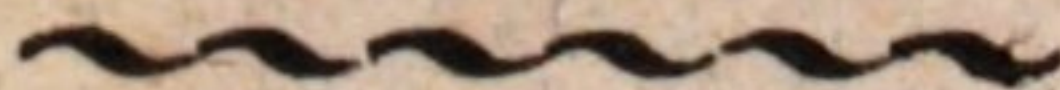
„Здорово, душенька! влѣпя въ окно Пчела,
 Такъ Мухъ говорила:
 Сказашъ ли вѣспочку? Какой я сошъ слѣпила!
 Мой медъ прозрачнѣе стекла;
 И какъ душистѣ! какъ сладокъ, вкусенъ!“ —
 Повѣрю, Муха ей отвѣстивуе: вашъ родъ
 Природно въ шомъ искусенъ;
 А я хотѣлабъ знашь, каковъ - то будетъ плодъ,
 Продлятся ли жары? — „Да! что - то будетъ
 съ медомъ? „ —
 Ахъ! эшотъ медъ, да медъ, швоимъ всегдашнимъ
 бредомъ! —
 „Да для того, что медъ...“ — Опяшь? нѣтъ
 силъ терпѣшь,
 Какое малодушье!
 Я, право, получу отъ словъ швоихъ удушье. —
 „Удушье? ничего! свѣсть меду, да вспошѣшь,
 И все пройдетъ; мой медъ...“ — Чшобъ быль
 тебѣ безъ жала!

Съ досадою Муха ей сказала:
 Сокройся въ улій свой, вралиха! иль молчи! —

О Эгоисты - риѣмачи !

Я васъ не называю ,

Но Басню эту вамъ отъ сердца посвящаю.

С Л О Н Ъ И М Ы Ш Ъ.

Б а с н ь XIV.

Какъ ни великъ и силенъ Слонъ,
 Однако же и онъ
 Поиманъ мудроспью людскою:
 Превосходительный тяжелою снопою
 Сступилъ по хворосу, и провалился въ ровъ.
 Чрезъ часъ потомъ и Мышь подверглась той же
 долъ;
 Но Мышкѣ тамъ просторъ: она, не прапая словъ,
 Пошла карабкашья, и выпрыгнула въ поле;
 А великанъ мой, ставъ по нуждѣ философъ,
 Не могши въ западнѣ ниже пошевелишья,
 „Увы! кричишь, къ чему ведешь насъ толщина?
 Что въ ростѣ? Мѣлочнымъ не спрахъ и прова-
 лишья,
 И Мышка въ западнѣ свободнѣе Слона!“

БЫКЪ и КОРОВА.

БАСНЬ XV.

„Какъ жалокъ ты ! Быку Корова говорила :
Судьба тебя на прудъ всегдашній осудила.“
На утро повели Корову на убой ,
Къ закланію богамъ. Быкъ , вспомня рѣчь вче-
рашню ,
„Гордись , красавица , сказаль , швоей судьбой :
Ты идешь къ олшарямъ , а я — опяшь на
пашню.“

СМЕРТЬ и УМИРАЮЩІЙ.

Б а с н ь XVI.

Одинъ охотникъ жить, не спарѣе сна лѣтъ,
Предъ Смертію дрожитъ и вопитъ,
Зачѣмъ она его шоропитъ

Въ располхъ оставитъ свѣтъ,
Не давъ ему свершитъ, какъ водится, духовной,
Не предвара его хопъ за годъ напередъ,
Что онъ умретъ. —

„Увы! онъ говоритъ: а я лишь въ подмосковной
Палаты заложилъ; хопя бы ихъ докласъ;
Дай винокуренный заводъ мой мнѣ поправитъ,
И правнуковъ женитъ! а памъ... швоя ужъ власъ!
Гошовъ, перекрестясь, я бѣлый свѣтъ оставитъ.“ —

Неблагодарный! Смерть опѣшпвуетъ ему:
Пускай другіе мрутъ въ весеннемъ жизни цвѣтѣ;
Тебѣ бы одному

Не умирать на свѣтѣ!

Найдешь ли двухъ въ Москвѣ, — десяпка даже
нѣтъ

Во всей Имперіи, дожившихъ до сна лѣтъ.

Ты думаешь, что я должна бы приготовить
Заранѣ себя къ свиданію со мной :
Тогда бы ты успѣлъ красивый домъ достроить,
Духовную свершить, заводъ поправить свой,
И правнуковъ женишь ; а развѣ мало было
Навѣшокъ отъ меня ? Не ты ли посѣдѣлъ ?
Не ты ли спалъ ходить, глядѣшь и слышаешь хило ?
Потомъ пропалъ твой вкусъ, желудокъ ослабѣлъ,
Увянулъ цвѣтъ ума, и память припупилась ;

Годъ ошъ году хладѣла кровь ;

Въ день ясный средь цвѣтовъ душа твоя поми-
лась,

И ты оплакивалъ и дружбу и любовь.

Съ которыхъ лѣтъ уже опивсюду поражаетъ

Тебя печальна вѣсть: шопѣ сверстникѣ умираешѣ,

Томъ умеръ , эпѣтъ занемогъ ,

И на одрѣ мученья?

Какогожь болѣе хотѣлъ ты извѣщенья?

Короче: я уже ступила на порогъ,

Забудь и горе и веселье ;

Исполни мой уставъ! —

Сказала, и шарикъ, не думавъ, не гадавъ,

И не доспироя домѣ, попалѣ на новоселье!!

Смерть права : во сто лѣтъ опсрочни поздно
ждашь ;

Да какъ бы въ старости спрашивался умирать?

Доживѣ до позднихъ дней, мнѣ кажется, изъ міра
 Такъ должно выходитьъ, какъ гость опходишъ
 съ пира,

Опдавъ за хлѣбъ и соль хозяину поклонъ.

Пути не миновать, къ чему жъ послужишъ спонъ?

Ты сѣшуешь, старикъ! Взгляни на ратно поле:

Взгляни на юношей, на эпошъ милый цвѣшъ,

Которые лепяшъ на смерть по доброй волѣ,

На смерть прекрасную, сомнѣнія въ шомъ нѣшъ,

На смерть похвальную, вездѣ превозносиму,

Но часто тяжкую, припомъ неизбѣжиму! . . .

Да что! я для глухихъ обѣдню вздумалъ пѣшъ:

Полмершвый пуще всѣхъ боится умереть!

К О Н Е Ц Ъ К Н И Г И Т Р Е Т Ь Е Й.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

КОТЪ, ЛАСТОЧКА и КРОЛИКЪ.

Б а с н ь I.

Случилось Кролику отъ дома оплутиться,
Иль лучше: онъ пошелъ Аврорѣ поклониться
На тѣминѣ, вспрыснутомъ росой.
Здоровѣ, спокоенѣ и на волѣ,
Попрыгавъ, пощипавъ муравки свѣжей въ полѣ,
Приходитъ Кроличекъ домой,
И что же? — чужъ его не подкосились ноги! —
Онъ видитъ: Ласточка разспавливаетъ шамъ
Своихъ Пенашовъ по угламъ!
„Во снѣ ли я, иль нѣтъ? спраннопріимны боги!“
Изгнанникъ возопилъ
Изъ опческаго дома. —
Что надобно? — вопросъ хозяйки новой былъ.
„Чтобъ ты, сударыня, безъ грома
Скорѣй опсюда вонъ! ей Кроликъ отвѣчалъ:
Пока я всѣхъ мышей на помощь не призывалъ.“ —

Мнѣ выдѣли вонѣ? она вскричала: вонѣ прекрасно!

Да что за право самовласно?
 Кто далѣ тебѣ его? и споймѣ ли войны
 Нора, вѣ которую и самѣ ползкомѣ ты входишь?
 Но пусть и царство будь, не всѣмѣ мы здѣсь
 равны?

И гдѣ, скажи мнѣ, ты находишь,
 Что Богѣ, создавши свѣтъ, его размежевалѣ?
 Богѣ создалѣ Ласточку, тебя и Дромадера;
 А землемѣра

Опнюдѣ не создавалѣ.

Ктожѣ болѣ права далѣ на эту десятину
 Пепрушкѣ Кролику, племяннику, иль сыну
 Филапа, Фефела, чѣмѣ Карпу, или мнѣ?
 Пустое, братѣ! земля всѣмѣ служиѣ наравнѣ;
 Ты первый захватилѣ: тебѣ принадлежала;
 Ты вышелѣ, я пришла: моею норка спала.“

Петрѣ Кроликѣ приводилѣ вѣ доводѣ
 Обычай, давность — ихѣ закономѣ,
 Онѣ утверждалѣ, введенѣ вѣ владѣніе нашѣ родѣ

Безспорно эѣмѣ домомѣ,
 Который Кроликомѣ Софрономѣ
 Отказанѣ, справленѣ былѣ за сына своего,
 Ивана Кролика; по смерти же его

Достался, вѣ силу права,
 Тожѣ сыну, именно мнѣ Кролику Пепру;
 Но если думаешь, что вру,

Такъ отдадимъ себя на судъ мы *Крысодава*. —
 А эштобъ *Крысодавъ*, сказать безъ многихъ словъ,
 Былъ поспный, жирный Котъ, мужъ святъ изъ
 всѣхъ Котовъ,

Пустынникъ набожный средь свѣта,
 И въ *казусныхъ* дѣлахъ оракулъ для совѣта.
 „Съ охотой!“ Ласточка сказала. И попомъ
 Пошли они къ Коту. Приходящъ, бьющъ челомъ,
 И оба говорятъ: „Помилуй!“ — Разсудите! ... —
 Поближе, дѣпушки, ихъ перервалъ судья:

Не слышу я,
 Отъ старосщи спалъ глухъ; поближе подойди-
 те! —

Они подвинулись, и вновь ему поклонъ;

А онъ

Вдругъ обѣ лапы врознь, царапъ того, другога,
 И вмигъ ихъ примирилъ;
 Не вымолвя ни слова:
 Задавилъ.

*

Не по жель иногда бываетъ съ Корольками,
 Когда они въ своихъ дѣлишкахъ по землямъ
 Не могутъ примириться сами,
 А прибѣгаютъ къ Королямъ?

ВЕРБЛЮДЪ и НОСОРОГЪ.

Б а с н ь II.

Верблюду говорилъ однажды Носорогъ :
„Во вѣкъ я приложилъ ума къ тому не могъ,
За что предъ нами вы въ такой щасливой долѣ?
Васъ держитъ человекъ всегда въ чести и холѣ,
И кормитъ вдоволь и поитъ,
И ваше разводитъ спарается онъ племя;
Согласенъ, что на васъ нерѣдко выючатъ бремя,
Отъ коего вашъ братъ довольно и кряхтитъ,
Что крошки вы, легки, припомъ неупомимы;
Но тѣ же самыя достоинства и въ насъ,
Да по рогу еще для случая въ запасъ —
А все мы презрѣны, гонимы!“ —
Дружокъ! опившествовалъ Верблюдъ :
Покорность иногда достоинствамъ замѣна.
Чтобъ людямъ угодишь, одинъ ли нуженъ трудъ?
Умѣй и подгибать колѣна.“

РЫСЬ И КРОТЪ.

Б а с н ь III.

Когда - то Рысь, найдя лежащего Кроша,
Изъ жалости ему по - свойски говорила :
Увы, мой бѣдный Крошъ! несчастные слѣпоша!
И рощица и лугъ съ цвѣтами — всѣ мѣста
Тебѣ какъ темная могила !

Какая жизнь твоя !

Съ утра до вечера ты спишь, или зѣваешь,
И ни о чемъ не разсуждаешь ;

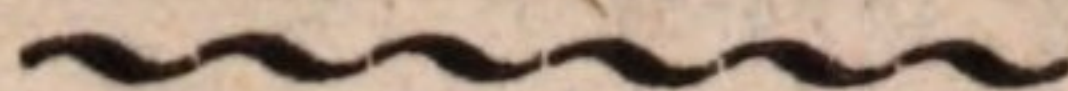
А я

Теперь же, будто на ладонѣ,
Все вижу на вершѣ вокругъ,
И все перескажешь гопова, — слушай, другъ:
Вотъ ястребъ въ облакахъ за коршуномъ въ
погонѣ ;

Здѣсь ласпочка своихъ птенцовъ
Пишаетъ мухами, добычей пауковой ;
Тамъ хитрая лиса цыпленку спрочитъ ковъ ;
Тамъ кролика поспигъ ружья ударъ громовой ;
Здѣсь кошка давитъ мышъ ; а шамъ
Змѣя впила въ корову ;

А далѣе — медвѣдь, разинувъ пасть багрову,
Ревешъ, и гонится за серной по скаламъ;
А вопъ и люшый волкъ ягненочка терзаетъ... —
„Ахъ, полно, полно! Крошъ болпунью пре-
рываетъ:

Ушѣшноль зрячимъ бытъ для ужасовъ такихъ?
Довольно и того, что слышалъ я объ нихъ.“

ОРЕЛЪ и ЗМѢЯ.

Б а с н ь IV.

Орелъ изъ области громовъ
Спустился опдохнуть на лугъ среди цвѣтовъ,
И встрѣшилъ тамъ Змѣю, ползущую по праху.

Зависплавая шварь

Шипитъ и на Орла кидается съ размаху.

Чтожь дѣлаетъ пернатыхъ царь?

Бросаетъ гордый взглядъ, и къ солнцу возлещаетъ.

*

Такъ Геній своему хулищелю опмщаетъ.

ЖАВОРОНОКЪ съ ДѢТЬМИ и ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ.

Б а с н ь V.

Пословица у насъ : *На ближнихъ уповай ,
А самъ ты не плошай !*

И правда; вошъ примѣръ. Въ прекрасные дни года ,
Въ которые цвѣшеть и нѣжится Природа ,
Когда все любитъся , медвѣдь въ лѣсу густомъ ,
Кишы на днѣ морскомъ ,
А жаворонки въ полѣ ,
Не вѣдаю того , по волѣ, иль неволѣ ,
Но самочка одна

Изъ племя Жавронковъ лешала , да гуляла ,
И о вліяніи весны не помышляла ,
А ужъ давно весна !

Сдалася , наконецъ , Природѣ и она ,
И маперью еще назваться захотѣла :
У пшичекъ много ли зашѣй ?

Свила во ржи гнѣздо , снесла яичекъ , сѣла ,
И вывела дѣшей.
Рожь выросла , созрѣла ,

А пшеньчики еще не въ силахъ ни порхатъ ,
 Ни корма доспаватъ ;
 Все мапушка ищи. — „Ну, дѣшущки, про-
 щайте !

Я за припасомъ полечу ,
 Сказала имъ она : а вы здѣсь примѣчайте ,
 Не соберутся жать , и пошчасъ голосъ дайте ;
 Такъ я другое вамъ пристанище сыщу. “
 Она лишь изъ гнѣзда, пришелъ хозяинъ въ поле,
 И сыну говоритъ : вѣдь рожь и жать пора ;
 Смори, какъ мапера !

Спупай же ты , не медля болѣ ,
 И попроси друзей на помочъ къ намъ придти. “ —
 Ахъ , мапушка ! леши , скорѣе къ намъ леши !

Малюшки въ спрахѣ запищали.
 „Что , что вамъ сдѣлалось ? “ — Ахши ! мы
 всѣ пропали ;

Хозяинъ былъ , онъ хочетъ жать ,
 Ужъ сыну и друзей велѣлъ на помочъ звать. —
 „А болѣ ничего ? опвѣщспвовала мать :
 Такъ не къ чему спѣшитъ : *день ночи мудренѣе*.
 Вотъ , дѣшущки, вамъ кормъ : покушайте скорѣе,
 Да ляжемъ съ Богомъ спать ! “ Они шого , сего
 Клевнули ,

Прижались подъ крыло къ родимой и уснули.
 Ужъ день , а изъ друзей нѣтъ въ полѣ никого.
 Пичужечка опять пустилась за припасомъ ;
 А селянинъ на рожь ,

Часть III.

7

И мыслишъ : на родню споронній не похожъ !

Поди-ка, сынъ мой, добрымъ часомъ,
Ты къ дядѣ своему, да свашу поклонись. —

Малюшки пуще взволновались,
И матери во слѣдъ всѣ въ голосъ разкричались:
„Ахъ! милая, скорѣй, родима, воропись!
Ужъ за родней пошли.“ — Молчише, не пугайшесь!

Отвѣщивовала мать: и съ Богомъ оставайшесь. —
Еще проходишъ день; хозяинъ въ претій разъ
Приходишъ на поле. Изрядно учашъ насъ,
Онъ сыну говоришъ: и дѣльно! впредь не спанемъ
Съ надеждою зѣвать, а поскорѣй вспомянемъ,
Что всякой самъ себѣ вѣришій другъ и братъ;

Спупай же ты назадъ,
И матери скажи съ сесрами,
Чтобъ на поле пришли съ серпами —
А ппична, слыша то, сказала дѣтямъ такъ:
„Ну, дѣшки! вотъ теперь къ походу вѣрный
знакъ.“

И дѣти въ тотъ же мигъ скорѣй, скорѣй собирашся,
Разправя крылья, въ первый разъ
За машкой кое-какъ вверхъ, вверхъ припод-
нимашся,

И скрылися отъ глазъ.

ИСТУКАНЬ и ЛИСА.

Б а с н ь VI.

Осель, какъ скопъ простой,
Глядитъ на Испуканъ пуспой
И лижетъ позолоту;
А хитрая Лиса, взглянувши на работу
Прилѣжно раза два,
Пошла и говоритъ: „Прекрасна голова!
Да жаль, что мозгу нѣтъ!“ — Безмозглые вель-
можи!
Не правда ли, что вы съ симъ Испуканомъ схожи?

Ж Е Л А Н І Я.

Б а с н ь VII.

Сердися Лафоншенъ, иль нѣтъ;
А я съ нимъ не могу разсѣпаться.
Что дѣлать? виновать, свое на умъ нейдетъ,
Такъ за чужое принимаешься.
Слыхалиль вы когда отъ нянекъ объ духахъ,
Которыхъ запросто зовемъ мы домовыми?
Какъ не слышать! дѣшей всегда спращаютъ ими;
Они во всѣхъ странахъ
Живутъ между людей, неся различны службы —
Безъ всякой плахи, лишь изъ дружбы.
Кто правитъ кухнею, кто холилъ лошадей;
Иные берегутъ людей
Отъ злаго глаза и уроковъ,
И всѣ имѣютъ даръ пророковъ.
Одинъ изъ тѣхъ духовъ
Былъ въ Индіи у мѣщанина
Хранишелемъ его садовъ;
Онъ Госпожу и Господина

Любилъ не меньше, чѣмъ родныхъ ;
 Всегда, бывало, ихъ
 Своимъ усердьемъ утѣшаетъ,
 И въ упражненьи всякой часъ :
 То мирпочки садитъ, то лучший ананасъ
 Къ столу хозяевъ выбираетъ.
 Хозяямъ кладъ былъ гость такой !
 Но доброе всегда непрочно ;
 Не знаю точно,
 Что было этому виной —
 Полишка, или поварищей коварство —
 Вдругъ отъ начальника приказъ ему лихой,
 Лештъ въ другое Государство ;
 Кудажь ? сказать ли вамъ,
 Сердца чувствительны и нѣжны ?
 Изъ мѣстъ, гдѣ счепа нѣтъ цвѣтамъ,
 Изъ вѣчнаго тепла въ сугробы, въ горы снѣжны,
 На край Норвегіи ! Вдругъ изъ Индѣйца будъ
 Лапланецъ ! Такъ и бытъ, слезами не попра-
 вишь,
 А только лишь надсадишь грудь.
 „Прощайте, Господа ! мнѣ должно васъ оста-
 вишь !
 Со вздохомъ добрый духъ хозяямъ говорилъ :
 Я здѣсь ужъ отслужилъ ;
 Нашъ Князь указъ наслалъ, предписываетъ строга
 Лештъ на Сѣверъ мнѣ. Хоть грустно, но ле-
 шѣтъ !

Недолго, милые, уже на васъ глядѣть :

Съ недѣлю, мѣсяцъ много.

Чтожь мнѣ оставишь вамъ за вашу хлѣбъ и соль

Въ знакъ моего признанья?

Скажете, я могу исполнить при желанья. “

Извѣстенъ человѣкъ: просишь чего? изволь;

Сей часъ готовы крылья.

„Ахъ! изобилья, изобилья!“

Вскричали въ голосъ мужъ съ женой.

И изобиліе рѣкой

На домъ ихъ полилося:

Въ шкапулы золотомъ, въ анбары ихъ пшеномъ,

А въ выходы виномъ;

Верблюдовъ шабуны, — откуда что взялося!

Но сколькожь и заботъ прибавилося съ шѣмъ!

Легко ли усмотрѣшь за всѣмъ,

Все счесть, все записать? Минуты нѣтъ покоя:

Въ день доброхотовъ угощай,

Тому въ часъ добрый въ долгъ, другому такъ давай;

А въ ночь дрожи и жди разбоя.

„Нѣтъ, духъ! они кричатъ: возьми свой даръ
назадъ;

Съ богатствомъ не живье, а въ живѣ сущій адъ!

Приди, спокойствія подруга неизмѣнна,

Насправница людей,

Посредственность безцѣнна!

Приди, и возвращи намъ счастье прежнихъ
дней!“ —

Она пришла, и два желанія свершились ;

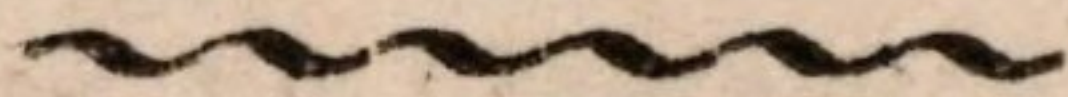
Осталось прешье объявить :

Подумали они, и наконецъ рѣшились

Благоразумія просить ,

Которое во всяко время

Нигдѣ и никому не въ бремя.

НИЩІЙ и СОБАКА.

Б а с н ь VIII.

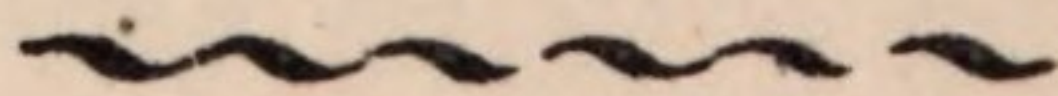
Большой боярской дворъ Собака сперегла,
Увидя шарика, входящаго съ сумою,
Собака лаяшь начала. —

„Умилосердись надо мною!

Съ боязнью, пошептомъ бѣднякъ ее молилъ:
Я сушки ужъ не ѣлъ ... отъ глада умираю!“ —
За тѣмъ - то я и лаю,
Собака говоришь, чѣмъ ты накормленъ былъ. —

Наружность иногда обманчива бываетъ:
Иной какъ звѣрь, а добръ; потъ ласковъ, а кусаетъ.

С В Е Р Ч К И.

Б а с н ь IX.

Два обывателя столицы безвѣстной,
 Между собою земляки,
 А націей Сверчки,
 Избрали для себя кварширой поспоянной
 Судейской домъ;
 Одинъ въ передней жилъ, другой же въ кабинетѣ,
 И каждый день они видались пайкомъ.
 „Нѣтъ лучше нашего хозяина на свѣтѣ!
 Сказалъ поварищу Сверчокъ:
 Какъ гнется, даромъ что высокъ!
 Какая кропость въ немъ! какая добродѣтель!
 И какъ трудолюбивъ! я самъ тому свидѣтель,
 Какую кучу онъ записокъ отберетъ,
 И что же? ни одной изъ нихъ не издеретъ;
 А всѣ за нимъ тащатъ!“ — На произволъ судь-
 бины,

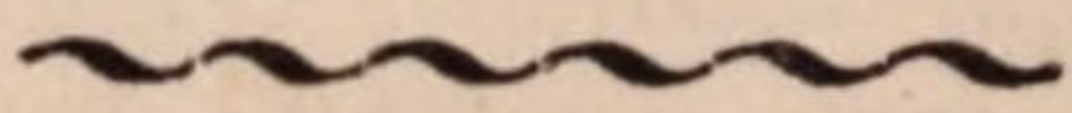
Товарищъ подхватилъ:
 Дружокъ! ты видно вѣкъ въ прихожихъ только
 жилъ,
 И вмѣсто лицъ привыкъ разсматривать личины;

Не то бы ты сказалъ , узнавши кабинетъ !
 Въ передней баринъ то , чѣмъ хочешь онъ ка-
 заться ;

А здѣсь , какимъ родился въ свѣтѣ.
 Богатому служишь , предъ сильнымъ пресмыкаешься ;

А до другихъ и дѣла нѣтъ :
 Вотъ нашего ханжи и все шуръ уложенъ !
 Оставъ же лишнее къ нему ты уваженъ !

И въ обществѣ людскомъ ,
 Гдѣ многое тебѣ покажется превратнымъ ,
 Умѣй ты различать двухъ человекъ въ одномъ :
Параднаго съ частнымъ.

ОСЕЛЪ и КАБАНЪ

Б а с н ь X.

Въ навозѣ вскормленный и вызрѣвшій Оселъ
Храбрился, что вражду съ Кабаномъ онъ завелъ,
Съ копорымъ и не лѣзя имѣть ему пріязни.

„Что мнѣ Кабанъ! Оселъ рычалъ :

Сей часъ готовъ съ нимъ въ бой безъ всякія бо-
язни!“ —

Мнѣ въ бой съ тобой? Кабанъ съ презрѣніемъ
сказалъ :

Нещасный! будь спокоинъ :

Ты славной смерти не достоинъ.

ЛЕТУЧАЯ РЫБА.

Б а с н ь XI.

Есть рыбы, говорящъ, которыя летаютъ.
Не бойшесь; я хочу не Плинія чинить,
А только вамъ сказать,
Что и у рыбъ бываютъ
Такіежъ мудрецы и прусы, какъ у насъ;
Вотъ и примѣръ для васъ:
Одна изъ Рыбъ такихъ и день и ночь грустила
И бабушкѣ своей твердила:
„Ахъ, бабушка! куда отъ злобы мнѣ уйти?
Гоненія и смерть повсюду на пути!
Лишь только я летать, Орлы клюютъ носами;
Нырну въ глубь моря, шамъ встрѣчаема Волками!“
Старуха ей въ отвѣтъ:
Что дѣлать, дитяшко! таковъ спалъ нынѣ свѣтъ!
Кому не суждено Орломъ быть, или Волкомъ,
Тому одинъ совѣтъ, чтобъ избѣжать бѣды:
Держись всегда своей пропинки тихомолкомъ,
Плывя близъ воздуха, летая близъ воды.

РАЗБИТАЯ СКРЫПКА.

Б а с н ь XII.

Скрыпица дюжинна упала и разбилась;

Скрыпачъ ее склеилъ ,

И скрыпка изъ дурной... прекрасной очутилась.

Тотъ вѣрно спалъ умнѣй, кто въ школѣ бѣдствій
былъ !

ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Б а с н ь XIII.

Съ восходомъ солнечнымъ переходя лужокъ,
Три Пупника нашли съ червонцами мѣшокъ;
Они находку раздѣлили
И съ общаго попомъ согласья положили,
Чтобъ младшему идти за хлѣбомъ на обѣдъ.
Товарищъ ихъ пошелъ, а старшій, глядя въ слѣдъ,
Другому говоритъ: почто его мы взяли!
Не будь онъ, такъ мѣшокъ доспалсябъ только двумъ.
Но знаешь ли, что мнѣ пришло, товарищъ, въ умъ?
Кинжалъ бы въ бокъ ему, и поминай насъ звали! —
А часть его въ раздѣлъ, товарищъ подхватилъ. —
Межъ пѣмъ и закупщикъ дорогой въ мысляхъ былъ:
„Что, если бы вчера, не нынѣ,
Попался мнѣ мѣшокъ! тогда я шелъ одинъ,
Тогдабъ я былъ не въ половинѣ,
А полной суммы господинъ! . . .
Дай хлѣбъ оправимъ!
Товарищей моихъ поспигнешъ вѣчный сонъ,
А мы къ своей казнѣ и ихъ казну прибавимъ.“
Какъ думалъ, такъ и сдѣлалъ онъ.

Хлѣбъ съ ядомъ принесенъ , но прежде въ два
кинжала

Товарищи его пронзили на повалъ ;
Пошомъ , когда въ немъ кровь подъ сердцемъ
замирала ,

Но пульсъ еще дрожалъ ,
Они , наѣвшись хлѣба ,

И сами у его простерлись хладныхъ ногъ.
Ихъ нѣтъ , а деньги шумъ ! — и голосъ гря-
нулъ съ неба :

Всевидаецъ скрытый Богъ !

ЗМѢЯ и ПІЯВИЦА.

Б а с н ь XIV.

„Какъ я несчастна!

И какъ завидна часпѣ пшоя!

Однажды говоритъ Піявицѣ Змѣя:

Ты у людей въ чести, а я для нихъ ужасна;

Тебѣ охотно кровь они свою дають;

Меня же всѣ бѣгутъ и, если могутъ, бьютъ;

А кажешься, равно мы съ ними поступаемъ:

И ты, и я, людей кусаемъ.“ —

Конечно! былъ на то Піявицынъ отвѣтъ:

Да въ цѣли нашей сходства нѣтъ;

Я, на примѣръ, людей къ ихъ пользѣ уязвляю,

А ты для ихъ вреда;

И множество больныхъ чрезъ это изцѣляю,

А ты и не больнымъ смертельна завсегда.

Спроси самихъ людей: всѣ скажутъ, что я права;

Я имъ лѣкарство, ты оправа. —

*

Смыслъ этой басенки вспрѣчается пошчасъ:

Не то ли Кришика съ Саширою у насъ?

ОРЕЛЪ и КАПЛУНЪ.

Б а с н ь XV.

Юпишеровъ Орелъ за облака взвивался ;

Уже онъ къ прону приближался

Власпителя громовыхъ стрѣлъ —

И весь пернатыхъ родъ на слѣдъ его смопрѣлъ.

„Не даромъ онъ любимъ Юнонинымъ супругомъ!

Въ воспоргѣ восклицалъ Пѣшухъ :

Какая быспроша ! какой великій духъ !

Какимъ онъ очершилъ свой путь обширнымъ
кругомъ !

Не даромъ , повшорю , врученъ ему перунъ ;

Кто равенъ съ нимъ? — Кто? Ты и я , сказалъ
Каплунъ :

Конечно ; будемъ только смѣлы ,

То также обпечемъ небесные предѣлы

И къ солнцу возлешимъ ;

А эшо покажу примѣромъ я моимъ. —

Съ симъ словомъ , размахавъ крылами ,

Уже задорный удалецъ

Между землей и небесами ,

И въ мигъ . . . на кровлю , какъ свинецъ.

Спасибо Каплуну ! и онъ урокъ оставилъ :

„Ошважный безъ ума всегда себя безславилъ.“

МАГНИТЪ и ЖЕЛѢЗО.

Б а с н ь XVI.

Природу одолѣшь превыше нашихъ силъ:
Смиримся же предъ ней, не умснвужа нимало.
„За чѣмъ ты льнешь?“ Магнитъ Желѣзу гово-
рилъ. —
За чѣмъ влечешь меня? Желѣзо отвѣчало.

*

Прелесный, милый полъ! чѣмъ кончу я рассказъ,
Легко ты отгадаешь.
Подобно такъ и ты безъ умысла прельщаешь;
Подобно такъ и мы невольно любимъ васъ.

СТАРИКЪ и ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Б а с н ь XVII.

Старикъ, лѣтъ въ семдесятъ, рылъ яму и крях-
тѣлъ :

Добро бы спростить , нѣтъ ! садить еще хотѣлъ !

А трое Молодцовъ , зѣвая на работу ,

Смѣялися надъ нимъ. „Какую же охоту

На старости Богъ далъ !“

Одинъ изъ нихъ сказалъ.

Другой прибавилъ : Чпожъ ? еще не опоздалъ !

Ковчегъ и большаго терпѣнья споилъ Ною.

„Смѣшонъ ты , дѣдушка , съ надеждою пустою !

Примолвилъ претій Старикъ :

Довольно , нажешся , ты пожилъ на вѣну ;

Когдажъ тебѣ дождатся ,

Подъ тѣнью дерева въ Юлѣ прохлаждатся ?

Ровесникамъ твоимъ и насоящій часъ

Невѣренъ ,

А заутремъ лѣспишь себя оспавъ уже ты насъ.“

Совѣтъ довольно здравъ , довольно и умѣренъ

Для мудреца въ шеснадцатъ лѣтъ !

„Повѣрьте мнѣ , друзья , Старикъ сказалъ въ

отвѣтъ :

Чшо *заетре* ни мое , ни ваше ;

Чшо Парка блѣдная равно

Взираєть на печенье наше.

Отъ Провидѣнія намъ вѣдать не дано ,

Кому изъ насъ Оно судило

Послѣднему взглянуть на ясное свѣшило !

Не можете и вы надежны бытъ , какъ я ,

Ниже на мигъ одинъ . . . работа же моя

Не мнѣ , такъ дѣшамъ пригодится !

Чувствительна душа и въ чужбѣ веселишся.

И такъ вы видите , что мной ужь собранъ плодъ ,

Которымъ я могу теперь же наслаждаться ,

И *заетре* , можете спать ,

И далѣе . . . какъ знашь ? бытъ можете , что и
годъ.

Ахъ ! можете бытъ и то , что вашъ безумецъ
жилой

Заспанетъ мѣсяца восходъ

Надъ вашей розами усыпанной . . . могилой ! —

Спарикъ предчувствовалъ : одинъ , прельсаясь
пескомъ —

Конечно золошымъ — уснулъ на днѣ морскомъ ;

Другой подъ миршами исчезъ въ цвѣщую лѣша ;

А третій — дворянинъ , за честь къ опмщенью
скоръ , —

Войдя съ пріятелемъ въ театръ въ легкой споръ ,

За креслы , помнился . . . убитъ изъ пистолета.

ЛЕВЪ и КОМАРЪ.

БАСНЬ XVIII.

Прочь ты, подлѣйшій гадъ, навоза порожденье!

Левъ гордый Комару сказалъ. —

Попише! отвѣчалъ Комаръ ему: я малъ,

Но самъ не меньше гордъ, и не снесу презрѣнье!

Ты царь звѣрей,

Согласенъ;

Но мнѣ нимало неужасенъ:

Я и быкомъ верчу, а онъ тебя сильнѣй.

Сказалъ, и, ставъ шрубачъ, жужжишь повѣспку
къ бою;

Потомъ, съ размахкою, приличною герою,

Вспряхнулся, полетѣлъ, и въ шею Льву впился:

У Льва глазъ кровью налился;

Изъ пасты пѣна бьетъ; зубами онъ скрежещетъ,

Ревешъ, и все вокругъ уходитъ и претешетъ!

Отъ Комара всеобщій страхъ!

Онъ въ тысячи мѣсшахъ,

И въ шею, и въ бока, и въ брюхо Льва кусаетъ,

И даже въ глубъ ноздри влепаетъ!

Тогда нещадный Левъ, въ спраданьи выше силъ,
 Какъ бѣшеный, вокругъ чреслъ хвостомъ своимъ
 забилъ ,

И началъ грызть себя; потомъ... лишившись мочи,
 Упалъ , и грозныя навѣкъ смыкаетъ очи.

Крылатый богатырь шумъ пуще зажужжалъ ,
 И всюду разглашать о подвигахъ помчался ;

Но скоро самъ попалъ

Въ засаду къ Пауку , и съ жизнью разошелся.

*

Увы ! кто свой предѣлъ чищаетъ на рукѣ ?

Зіяютъ хляби , живъ... а гибнешь въ ручейкѣ !

Довольны ль правиломъ ? Не то, такъ вотъ другое:

Опасенъ всякой врагъ; *малѣйшій* — часто вдвое.

ИСКАТЕЛИ ФОРТУНЫ.

Б а с н ь XIX.

Кто на своемъ вѣку Фортуны не искалъ?

Что, еслибъ силою волшебною какою

Всевидающимъ я спалъ,

И вдругъ открылись предо мною

Всѣ, всѣ, которые и ѣдутъ и ползутъ,

И скачутъ и плывутъ,

Изъ царства въ царство рыщутъ,

И дочери Судьбы опмѣнной красоты,

Иль убѣгающей мечты,

Безъ отдыха споль жадно ищутъ?

Бѣдняжки! жалъ мнѣ ихъ! ужь, кажется, въ ру-
кахъ . . .

Ужъ сердце въ восхищеньи бьется . . .

Вотъ только что схватишь... хоть какъ, такъ
увернешся,

И въ тысячи уже верстахъ!

„Возможно ль, многіе, я слышу, разсуждаютъ:

Давно ль такой - то въ насъ искалъ?

А нынѣ какъ онъ пыщенъ спалъ!

Онъ въ щастіи растепъ; а насъ за грязь кидаютъ!

Чѣмъ хуже мы его?“ — Пусть лучше во сто разъ,
Но что вашъ умъ и все? Фортуна вѣдь безъ глазъ;

А къ этому прибавимъ:

Чинъ споймъ ли того, что для него оставимъ
Покой, покой души, даръ лучшій всѣхъ даровъ,
Который въ старину удѣломъ былъ боговъ?

Фортуна женщина: умѣрьте вашу ласку;
Не бѣгайте за ней, сама смягчится къ вамъ.
Такъ милый Лафоншенъ давалъ совѣты намъ,
И сказывалъ въ примѣръ почти такую сказку:

Въ деревнѣ ль, въ городкѣ,
Одинъ съ другимъ не вдалекѣ,

Два друга жили;

Ни скудны, ни богаты были.

Одинъ все счастье спавилъ въ томъ,

Чтобы нажить огромной домъ,

Деревни, знашый чинъ — то и во снѣ лишь
видѣлъ;

Другой богачествъ не ненавидѣлъ,

Однакожь ихъ и не искалъ,

А каждую ночь покойно спалъ.

„Послушай, другъ ему однажды предлагаетъ:

На родинѣ ничто пророкомъ не бываетъ;

Чегожь и намъ здѣсь ждешь? — Со временемъ
сумы.

Побѣдемъ лучше мы

Искать себѣ добра; войши, сказать умѣемъ;

Авось мы и найдемъ, авось разбогатѣемъ.“ —

Спупай, сказаль другой,
 А я остануся; мнѣ дорогъ мой покой,
 И буду спать, пока мой другъ не возвратишся. —

Тщеславный этому дивишся
 И ѣдешь. На пуши встрѣчаешь цѣпи горъ,
 Встрѣчаешь много рѣкъ, и напоследокъ встрѣ-
 шиль

Ту самую страну, куда издавна мѣшилъ:
 Любимый уголокъ Форшуны, то есть Дворъ;

Приспалъ къ нему, и по обряду
 Всѣхъ жилищей его онъ началъ посѣщать:
 Тамъ спрѣлкою спойшь, не смѣя и дышать,

Здѣсь шакаетъ изъ всей онъ мочи,
 Тутъ шепчетъ на ушко — короче: дни и ночи

Нашъ вишязъ самъ не свой;

Но все то было впунѣ!

„Что за диковинка! онъ думаетъ: спой, спой,

Да слушай обѣ одной Форшунѣ,

А самъ все ничего!

Нѣтъ, нѣтъ! такая жизнь несноснѣе всего.

Слуга покорный вамъ, господчики! прощайте,

И впредь меня не ожидайте;

Въ Сурашъ, въ Сурашъ лечу! я слышалъ въ сказ-
 кахъ, шамъ

Форшунѣ съ давнихъ лѣтъ курится ѳиміамъ.“

Сказалъ, прыгнулъ въ корабль, и волны забѣ-
 лѣли.

Но что же? Не прошло недѣли,

Какъ спранствовашель нашъ опправился въ
Сурапъ ,

А часто , часто онъ поглядывалъ назадъ ,
На родину свою : корабль то загорался ,
То на мблъ попадалъ , то въ хляби погружался ;
Всечасно въ трепетъ , онъ смерти на вершокъ ;
Бѣднякъ бѣсился , клялъ — извѣстно , лютый рокъ ,
Себя , и всѣмъ , и всѣмъ изрядна пѣсня пѣша !
Безумцы ! онъ судилъ : на край приходимъ свѣта
Мы смерть ловимъ , а къ ней и дома два шага ! —
Синѣютъ между тѣмъ Индійски берега ,
Попушный дунулъ вѣтръ ; по крайней мѣрѣ къ
спашъ

Пришло мнѣ такъ сказать , и онъ уже въ Сурапъ !
„Фортуна здѣсь ?“ его былъ первый всѣмъ во-
просъ . —

Въ Японіи , сказали .

„Въ Японіи ? вскричалъ герой , повѣся носъ .
Бышь такъ ! плыву шуда.“ И поплылъ ; но , къ печали ,
Развѣхался и шамъ съ Фортуною слѣпой !
„Нѣтъ ! полно , говоришь , гоняшься за мечшой“ —
И съ первымъ кораблемъ въ опчизну возвратился .
Завидя издали опеческихъ боговъ ,
Родимый ручеекъ , домашній милый кровъ ,
Нашъ мореходецъ прослезился ,
И , онъ души вздохнувъ , сазалъ :
„Ахъ ! щаспливъ , щаспливъ тошъ , кто лишь по
слуху зналъ

И Дворъ и Океанъ и о слѣпой богинѣ !

Умѣренность! съ побой раздолье и въ пустынь. “

И такъ съ восторгомъ онъ и въ сердцѣ и въ
глазахъ

Въ опчизну , наконецъ , вступаятъ ;

Лешимъ ко другу , — чтожь ? какъ друга обрѣ-
щаетъ ?

Онъ спитъ , а у него Фортуна въ головахъ !

ЦАРЬ И ДВА ПАСТУХА.

Б а с н ь XX.

Какой - то Государь , прогуливаясь въ полѣ ,
 Раздумался о Царской долѣ.
 „Нѣтъ хуже нашего , онѣ мыслилъ , ремесла !
 Желалъ бы дѣлать то , а дѣлаешь другое :
 Я всей душой хочу , чѣмъ у меня цвѣла
 Торговля , чѣмъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ ;
 А принужденъ вести войну ,
 Чѣмъ защищать мою страну.
 Я подданныхъ люблю , свидѣтели въ помѣ боги ,
 А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги ;
 Хочу знать правду , всѣ мнѣ лгушъ.
 Бояра лишь чины берутъ ,
 Народъ мой спонетъ , я спрадаю ,
 Совѣтуюсь , пружусь , никакъ не успѣваю ;
 Полсвѣта властелины , не веселюсь ни чѣмъ ! “
 Чувствительный Монархъ подходитъ между тѣмъ
 Къ пасущейся скотинѣ ;
 И что же видитъ онъ ? Разсыпанныхъ въ долину
 Барановъ , щихъ до костей ,
 Овечекъ безъ ягилъ , ягнятъ безъ матерей !
 Всѣ въ страхѣ бѣгаютъ , кружатся ,
 А псамъ и нужды нѣтъ ; они подъ тѣнь ложатся ,

Лишь бѣдный мечется Паспухъ :

То за бараномъ въ лѣсѣ во весь онъ мчишься духъ,
То бросишься къ овцѣ , которая опспала ,
То за любимымъ онъ ягненкомъ побѣжитъ ,
А между тѣмъ ужъ волкъ барана въ лѣсѣ пащитъ ,
Онъ къ нимъ , а здѣсь овца волчихи жершвой спала.
Опчаянный Паспухъ рветъ волосы , ревешъ ,

Бьетъ въ грудь себя и смершь зовешъ.

„Вотъ почный образъ мой ! сказалъ Самовластитель :

И шакъ и смирененькихъ живопныхъ охранишель
Такимижъ , какъ и мы , напасъми окруженъ ,

И онъ , какъ Царь , порабощенъ !

Я чувствую теперь какую - то опраду. “

Такъ думая , впередъ онъ путь свой продолжалъ.

Куда ? и самъ не зналъ ;

И наконецъ пришелъ къ прекраснѣйшему спаду.

Какую разицу Монархъ увидѣлъ путь !

Баранамъ счеша нѣтъ , опъ жира чупъ идутъ ;

Шерсть на овцахъ какъ шелкъ и пѣжесъью ихъ

клонитъ ;

Ягняшки , кто кого скорѣе перегонитъ ,

Ко маткинымъ бѣгупъ пишашельнымъ сосцамъ ;

А паспушокъ въ свирѣль подъ липою играешъ ,

И милую свою паспушку воспѣваетъ.

„Не сдобровашъ , овечки , вамъ !

Царь мыслилъ : волкъ любви не чувствуетъ закона ,

И паспуху свирѣль худая оборона. “

А волкъ и подлинно, откуда ни возмись,
 Во всю несешься рысь;
 Но псы, копорые по спадо спорожили,
 Вскочили, бросились и волка задавили;
 Пошомъ одинъ изъ нихъ ягнечка догналъ,
 Копорый далеко отъ спраха забѣжалъ,
 И пошчасъ въ кучку всѣхъ по прежнему собралъ.
 Паспухъ же все поетъ, не шевелясь нимало.
 Тогда уже въ Царѣ перпѣнія не спало.
 Возможно ль? онъ вскричалъ: здѣсь множесиво
 волковъ,
 А ты одинъ . . . умѣлъ сберечь большое спадо!—
 Царь! ошвѣчалъ Паспухъ, шупъ хипроси не надо:
 Я выбралъ добрыхъ псовъ.

К О Н Е Ц Ъ.

Bayerische
 Staatsbibliothek
 München

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Б а с н и.

Книга первая.

	Странъ.
1. Дубъ и Трость	1
2. Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ	3
3. Мышь, удалившаяся отъ свѣта	5
4. Чирикъ и Зяблица	7
5. Мѣсяць	9
6. Лиса - проповѣдница	10
7. Ласпочка и Пшички	13
8. Часовая Спрѣлка	16
9. Человѣкъ и Конь	17
10. Лебедь и Гагары	19
11. Ружье и Заяць	20
12. Орель, Кипъ, Ужь и Усприца	22
13. Карешныя лошади	24
14. Два Голубя	25

Книга вторая.

1. Мудрецъ и Поселянинъ	31
2. Молчаніе Соловья	34

	Стран.
3. Калифъ	35
4. Осель , Обезьяна и Крошъ	37
5. Амуръ , Гименъ и Смерть	38
6. Испорія	39
7. Прохожій	41
8. Два Друга	42
9. Совѣсть	44
10. Дряхлая старость	46
11. Донъ - Кишопъ	48
12. Муха	51
13. Придворный и Прошей	52
14. Кокешка и Пчела	54
15. Горестъ и Скука	56
16. Полевой Цвѣтокъ и Гвоздика	57
17. Молишвы	58
18. Слѣпецъ и Разслабленный	60

Книга Третья.

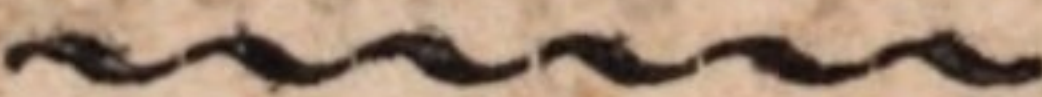
1. Воспитаніе Льва	63
2. Башмакъ , мѣрка равенства	68
3. Человѣкъ и Эхо	69
4. Три Льва	70
5. Двѣ Лисы	71
6. Супъ изъ костей	72

	Справ.
7. Мальчикъ на сполѣ	73
8. Пустынникъ и Форшуна	74
9. Опецъ съ сыномъ	76
10. Бобръ, Кабанъ и Горноспай	77
11. Шарлапанъ	79
12. Книга Разумъ	80
13. Пчела и Муха	81
14. Слонъ и Мышь	83
15. Быкъ и Корова	84
16. Смерть и Умирающій	85

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Кошъ, Ласточка и Кроликъ	38
2. Верблюды и Носорогъ	92
3. Рысь и Крошъ	93
4. Орель и Змѣя	95
5. Жаворонокъ съ дѣшми и Земледѣлецъ	96
6. Испуканъ и Лиса	99
7. Желанія	100
8. Нищій и Собака	104
9. Сверчки	105
10. Осель и Кабанъ	107
11. Лепучая Рыба	108
12. Разбитая Скрышка	109

	Стран.
13. Три Путешественника	110
14. Змѣя и Піявица	112
15. Орелъ и Капунъ	113
16. Магнитъ и Желѣзо	114
17. Старикъ и шрое молодыхъ	115
18. Левъ и Комаръ	117
19. Искатели Фортуны	119
20. Царь и два Паспуха	124

11

11

12

11

115

11

114

124

	Стран.
3. Калифъ	35
4. Осель , Обезьяна и Крошъ	37
5. Амуръ , Гименъ и Смерть	38
6. Испорія	39
7. Прохожій	41
8. Два Друга	42
9. Совѣсть	44
10. Дряхлая старость	46
11. Донъ - Кишопъ	48
12. Муха	51
13. Придворный и Пропей	52
14. Кокешка и Пчела	54
15. Горестъ и Скука	56
16. Полевой Цвѣтокъ и Гвоздика	57
17. Молишвы	58
18. Слѣпецъ и Разслабленный	60

КНИГА ТРЕТІЯ.

1. Воспитаніе Льва	63
2. Башмакъ , мѣрка равенства	68
3. Человѣкъ и Эхо	69
4. Три Льва	70
5. Двѣ Лисы	71
6. Супъ изъ костей	72

	Справ.
7. Мальчикъ на столѣ	73
8. Пустынникъ и Форшуна	74
9. Опець съ сыномъ	76
10. Бобръ, Кабанъ и Горноспай	77
11. Шарлапанъ	79
12. Книга Разумъ	80
13. Пчела и Муха	81
14. Слонъ и Мышь	83
15. Быкъ и Корова	84
16. Смерть и Умирающій	85

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Кошъ, Ласпочка и Кроликъ	88
2. Верблюдъ и Носорогъ	92
3. Рысь и Крошъ	93
4. Орель и Змѣя	95
5. Жаворонокъ съ дѣшми и Земледѣлецъ	96
6. Испуканъ и Лиса	99
7. Желанія	100
8. Нищій и Собака	104
9. Сверчки	105
10. Осель и Кабанъ	107
11. Лешучая Рыба	108
12. Разбитая Скрышка	109

	Спрам.
13. Три Путешественника	110
14. Змѣя и Піявица	112
15. Орелъ и Капунъ	113
16. Магнитъ и Желѣзо	114
17. Спарикъ и шрое молодыхъ	115
18. Левъ и Комаръ	117
19. Искатели Фортуны	119
20. Царь и два Паспуха	124

Dmitriev, Ivan I.,

Sočinenija

Bd.: 3 (1818)

Moskva 1818

Opp. 665 p-3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10605945-4